ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ИГРИВЫЙ.

Повѣсть.

Въ небольшой комнатѣ было два стола - одинъ такъ-называемый ломберный, складной, очень-ветхій, другой сосновый, который нѣкогда былъ выкрашенъ голубою краской, затѣмъ бѣлой и наконецъ красной, и потому на вытертыхъ углахъ и лысинахъ стола видны были всѣ три слоя краски. Еще стояло тутъ семь стульевъ - пара очень-затасканныхъ, оплетенныхъ осокой, пара вовсе-деревянныхъ, какъ-будто дружки сосновому столу, но одинъ былъ облеченъ въ первоначальную масть этого стола, то-есть голубой, а другой по-видимому принялъ участіе во второмъ переворотѣ и одѣлся въ бѣлую сорочку; пара тяжеловатыхъ креселъ неизвѣстнаго склада и масти, одѣтыя издавна пестрядевыми чехлами, видимо состояли въ близкомъ

родствѣ съ такимъ же раскидистымъ диваномъ; подушка седьмаго стула, наконецъ, если разсмотрѣть ее тщательно, показывала, что была когда-то вышита шелками по сукну или казимиру неопредѣленнаго цвѣта; но все это давно поблекло, полиняло, шелкъ мѣстами вовсе повытерся, казимиръ посѣкся. Въ комнатѣ стоялъ еще перекосившійся шкафъ, доживавшій вѣкъ свой пузатый коммодъ, горка съ трубками, величиною съ гаркушинъ курганъ - а стѣны были увѣшаны нѣсколькими старообразными ружьями и другими отставными охотничьими припасами, а также старосвѣтскими картинами въ красныхъ узенькихъ рамочкахъ.

На диванѣ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, рослый, плотный, видный, въ весьма-поношенномъ халатѣ; онъ читалъ какую-то истасканную книжонку, или по-крайней-мѣрѣ держалъ ее въ рукахъ, и сосалъ погасшую трубку. Среди пола лежалъ въ растяжку большой лягавой песъ, ворчалъ и лаялъ про себя во снѣ.

Павелъ Алексѣевичъ Игривый, - такъ звали этого барина, - оглянулся съ улыбкой на своего любимца, потянулъ опять трубку и, замѣтивъ наконецъ, что она погасла, закричалъ: «Эй, Ванька!» Иванъ вошелъ, не говоря ни слова подалъ барину на смѣну другую трубку, а покойницу унесъ для дарованія ей новой жизни, то-есть, для чистки и набивки.

Много пять минутъ продлилось молчаніе, прерванное нѣсколькими вздохами и зѣвками барина и безсловесными возгласами его любимца, какъ опять раздалось: «Эй, трубку!..» По третьему подобному призыву своему, однакоже, помѣщикъ нашъ всталъ, потянулся, спросилъ у Ваньки: «а что, рано еще?» И узнавъ, къ своему удовольствію, что уже не такъ рано, а часъ девятый, рѣшилъ, что пора спать и пошелъ въ сосѣднюю почивальню. Ванька послѣдовалъ за нимъ. Здѣсь мёбель ни въ чемъ не уступала кабинетной: односпальная кровать о двухъ тюфякахъ и двухъ перинахъ, съ цѣлой копной подушекъ и

безсмѣнными на вѣчныя времена занавѣсками, стояла во всей готовности для пріема въ нѣдра свои хозяина.

- Ну, братъ Ванька, сказалъ онъ: - коли такъ, отойдемъ помолившись ко сну. Ты раздѣнь и разуй меня, уложи меня, накрой меня, подоткни меня, переверни меня, перекрести меня - а тамъ поди, усну я самъ.

- Да никакъ, сударь, сказалъ Ванька: - и дворня-то вся спитъ безъ просыпу. Хоть бы приказали собраться да волковъ попугать; вѣдь вотъ вечоръ телку зарѣзали у Карпова, того гляди робятъ обижать станутъ. Бывало, вы, сударь, охотились сами.

- Э, бывало! Было да быльемъ поросло. Пожалуй, соберитесь на-дняхъ, да поохотьтесь-себѣ.

- То-то сударь, холостому человѣку все не въ охоту; хоть бы, сударь, невѣсту себѣ выбрали, да женились, и мужики всѣ жалѣютъ объ васъ.

Баринъ захохоталъ.

- Эка во-время собрались пожалѣть! Нѣтъ, братъ, ужь мои невѣсты чай давно на томъ свѣтѣ козловъ пасутъ... Эка забота моимъ мужикамъ! Ну, видно жь, имъ не о чемъ больше тужить: по грибы не часъ, и по ягоды нѣтъ - такъ хоть по еловы шишки.

- А что жь, сударь, и вѣстимо что такъ: они за вашею милостію живутъ захребетниками и не тужатъ, а вамъ такъ вотъ видно скучно; была бы хозяйка...

- А зови-тка, ради скуки, Меледу съ понукалкой, такъ вотъ и уснемъ подъ шумокъ и размыкаемъ горе.

Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, доморощеннаго поварскаго помощника, который въ четыре года не могъ выучиться готовить простыхъ щей съ забѣлкой, отговариваясь тѣмъ, что всѣ ночи на пролетъ сказываетъ барину сказку, и потому днемъ долженъ спать, въ-слѣдствіе чего-де и учиться некогда, да и проспалъ память. Меледа вошелъ разутый и полураздѣтый, принесъ, по обычаю, подъ мышкой одръ свой - войлочекъ и подушонку, постлалъ его въ ногахъ у

барской кровати, присѣлъ на него почесываясь и ждалъ барскаго «ну». Въ то же время вошелъ въ комнату еще другой человѣкъ, одѣтый и обутый, но съ такой дурацкой рожей, что посторонній не могъ бы взглянуть на него безъ смѣха. Онъ сталъ спокойно у дверей, сложилъ руки, выставилъ одну ногу и принялся зѣвать, будто по заказу, растворяя пасть какъ широкія ворота, и поднося то ту, то другую руку къ бородѣ и растопыривая всѣ пять пальцевъ. Лицо это было извѣстно въ домѣ подъ должностнымъ званіемъ понукалки, а Меледа называлъ его обыкновенно дармоѣдомъ и надоѣдалой. Это была также ночная птица, для потѣхи барина; обязанность его состояла въ томъ, чтобъ не давать уснуть преждевременно сказочнику и понукать его, если тотъ задумается или запнется. Когда одинъ изъ пріятелей Павла Алексѣевича спросилъ его, глядя на эту знаменитость, откуда онъ досталъ такого урода, и свой ли онъ, то Павелъ Алексѣевичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это наемный, проскуровскій мѣщанинъ, я плачу

ему по четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, да отпускаю еще мѣсчину. Свой на это дѣло не годится, самъ первый уснетъ, напередъ сказочника, - тогда что я съ нимъ стану дѣлать, браниться да драться? нѣтъ, этого я не люблю. А этотъ боится, знаетъ, что сгоню со двора, коли не хорошо служить станетъ, такъ онъ и держитъ ухо остро. Притомъ, и я къ нему привыкъ: не могу глядѣть на него, чтобъ не стало клонить ко сну, а какъ растворитъ ворота, да зѣвнетъ - такъ тутъ и я уснулъ.»

Когда все это устроилось въ порядкѣ, и оба должностныя лица заняли свои мѣста, Павелъ Алексѣевичъ покряхтѣлъ, потомъ вздохнулъ, тамъ зѣвнулъ и промычалъ: «ну». Сказочникъ началъ покрякивать, а понукалка пріосанился и съ этой минуты вступилъ въ свою должность. Командное словечко «ну» развязывало и ему самому языкъ на это же коротенькое словцо и давало ему власть понукать соннаго сказочника. Этотъ началъ очень-плавно и бойко, мололъ съ четверть часа безостановочно, а тамъ забормоталъ менѣе-

внятно и захотѣлъ перевести духъ. «Ну» началъ его пришпоривать понукалка, у котораго также слипались глаза, но который не смѣлъ прилечь, чтобъ не заснуть, и все стоялъ на своемъ мѣстѣ - «Ну»... Меледа крякнулъ и продолжалъ:

- На томъ на морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, стояла береза золотые сучья, на тѣхъ на сучьяхъ яблочки серебряныя, въ нихъ зернышки граненый алмазъ...

- Ну, началъ опять отъ скуки понукалка, покачиваясь и не слушая, впрочемъ, говоритъ ли тотъ сказку, или дремлетъ.

- Стояла корова золотые рога: на одномъ рогу баня, на другомъ котелъ; есть гдѣ помыться, попариться...

- Ну...

- Ну, да ну; чего ты нукаешь?

- Да вишь ты не бойко говоришь, дремлешь...

- Самъ ты дремлешь, дармоѣдъ; гляди: затылкомъ двери пробилъ; а я не дремлю... На томъ на островѣ текутъ рѣчки

медвяныя, сытовыя, берега кисельные; дѣвка выйдетъ ударитъ коромысломъ, черпнетъ однимъ концомъ - зачерпнетъ два красна холста; черпнетъ другимъ...

Тутъ Павелъ Алексѣевичъ всхрапнулъ довольно-внятно и несомнительно; сказочникъ, сидя на полу и обнявъ руками колѣни, понурилъ на нихъ голову и замолкъ, а понукалка не счелъ уже нужнымъ его тревожить и, постоявъ еще немного, вышелъ въ сосѣднюю комнату и тамъ прилегъ.

Часу въ седьмомъ утра, Павелъ Алексѣевичъ проснулся, и все въ домѣ зашевелилось. Обувшись въ бараньи сапожки, домашней выдѣлки, и въ халатъ свой, онъ умылся, помолился и сталъ совѣтоваться съ Ванькой, чего бы напиться сегодня: малины ли, бузины ли, шалфею, липоваго цвѣта, кипрею, ивана-да-марьи, ромашки съ ландышами, или ужь заварить настоящаго чаю? и Ванька разсудилъ, что бузина пьется на ночь для испарины, малина послѣ бани, шалфей въ дурную погоду, липовый цвѣтъ со свѣжими сотами,

иванъ-да-марья и ромашка когда неможется, кипрей, то-есть, копорскій или иванъ-чай, по нуждѣ, за недостаткомъ лучшаго, и потому полагалъ заварить сегодня настоящаго, китайскаго чаю, что и было исполнено. Отъ чая сдѣланъ былъ незамѣтный переходъ къ завтраку; а между-тѣмъ, староста, мельникъ, скотница и другіе сельскіе сановники отбывали доклады свои и получали приказанія. По-временамъ книжка будто невзначай опять попадала въ руки Павла Алексѣевича, но вскорѣ другія занятія развлекали его, и вѣковѣчная книжка оборачивалась корешкомъ кверху. Не успѣли оглянуться, какъ Иванъ подалъ щи, кашу да жаркое; тамъ оказалось полезнымъ отдохнуть часика два; тамъ Павелъ Алексѣевичъ прошелся по хозяйству и по саду, напился липоваго цвѣта съ сотами, разобралъ нѣсколько ссоръ и жалобъ, отдалъ приказанія на завтрашній день, освѣдомился, не рано ли, и услышавъ, что девятый, поспѣшилъ перекусить немного, помолился, легъ, и Меледа съ понукалкой

явились снова тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера.

Вотъ ежедневный бытъ, буднишняя жизнь Павла Алексѣевича. По праздникамъ он облачался въ сюртукъ бураго или кофейнаго цвѣта, выпускалъ бѣлый воротничокъ, бралъ соломенную шляпу или полутеплую фуражку, смотря по погодѣ, трость и бѣлыя перчатки, которыя, впрочемъ, никогда не надѣвались, и отправлялся въ церковь, бывшую у него же на селѣ. Иногда, хотя довольно-рѣдко, кто-нибудь заѣзжалъ къ нему; еще рѣже онъ бывалъ у другихъ; но настоящимъ праздникомъ для него былъ тотъ почтовый день, въ который гонец привозилъ ему изъ города письмо. Такое письмо, казалось, одно только привязывало его всей душой къ жизни; Павелъ Алексѣевичъ оживалъ, былъ въ тотъ день дѣятельнѣе и веселѣе, и, прочитавъ письмо разъ-другой про себя, перечитывалъ его еще Ванькѣ и одной дворовой женщинѣ, извѣстной въ домѣ подъ названіемъ мамушки.

Что же читатели скажутъ о Павлѣ

Алексѣевичѣ, о бытѣ его и родѣ жизни, которую мы старались изобразить точно и вѣрно? Я думаю, что иной, можетъ-быть, и вовсе-незлобный столичный житель готовъ будетъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, пожать плечами и назвать его животнымъ; можетъ-быть, даже и самый снисходительный приговоръ будетъ еще довольно-жестокъ для скромнаго деревенскаго жителя и не избавитъ его отъ сострадательнаго презрѣнія. Но всегда ли наружность достаточно изобличаетъ внутреннюю цѣнность человѣка? почему знать, что помѣщикъ нашъ передумалъ и перечувствовалъ на вѣку своемъ, не взирая на безчувственную, довольно-плоскую и безсмысленную наружность?

Лѣтъ тому двадцать-пять, въ сельцѣ Подстойномъ, помѣщичья семья сидѣла за вечернимъ самоваромъ и съ нетерпѣніемъ ждала кого-то. Живой и плотный,

бѣлокурый старикъ, въ долгополомъ домашнемъ сюртукѣ, съ огромными усами, съ большими, но безсмысленными сѣрыми глазами, съ отставными военными ухватками и молодечествомъ, похаживалъ взадъ и впередъ, то останавливался у открытаго окна, глядѣлъ и прислушивался, то посматривалъ на стѣнные часы съ двумя розочками и двумя незабудками по угламъ, и наконецъ, продувая трубку свою, сказалъ: «Нѣтъ, ужь видно, я говорю, сегодня не будетъ».

- А, можетъ-быть, и будетъ, замѣтила хозяйка его, заглянувъ въ чайникъ и прибавивъ туда на всякій случай водицы: - вѣдь ему надо быть къ сроку, къ ярмаркѣ; а ужь онъ, чай, не обманетъ, коли обѣщалъ заѣхать къ намъ по пути, да привезти вѣсточку отъ Любаши.

- Ну, загулялся въ Костромѣ, возразилъ старикъ: - человѣкъ, я говорю, молодой, поѣхалъ въ городъ, да еще съ деньжонками, такъ ему и не до Любаши; она еще ребенокъ.

- Никакъ ѣдутъ-съ, сказалъ вошедъ торопливо слуга, указывая слегка въ ту сторону, откуда ждали гостя.

- Ну, вотъ видишь, проговорила хозяйка съ изъявленіемъ радости, между-тѣмъ, какъ хозяинъ вышелъ на крыльцо, а вслѣдъ за тѣмъ обнялъ желаннаго вѣстника и при громогласномъ разговорѣ ввелъ его въ комнату.

- Ужь и ждать было перестали! такъ встрѣтила его хозяйка: - особенно Иванъ Павловичъ, говоритъ: видно не будетъ; а я все жду-пожду; нѣтъ, говорю, будетъ... чайку прикажете съ дороги, или закусить чего?...

- Благодарю, отвѣчалъ молодой человѣкъ: - чашечку выпью, но я тороплюсь домой, немножко позамѣшкался, позадержала Любовь Ивановна...

- Какъ, она? не-ужь-то? голубушка моя! Что жь, видѣлъ ее? Что она? не скучаетъ? здорова?.. Такъ посыпались вопросы матери.

- Здорова, отвѣчалъ тотъ немного зарумянившись, и шлетъ вамъ много

поклоновъ и поцалуевъ; я раза три навѣщалъ ее.

- Ужь и поцалуи! сказалъ захохотавъ отецъ: - слышите, что я говорю? я говорю: ужь и поцалуи; ха, ха, ха!

- На словахъ, разумѣется, возразилъ пріѣзжій: - и хотя словесный поцалуй, да еще и передаточный, утѣшителенъ для того только, кому назначенъ, но я принужденъ былъ покориться строгости костромскихъ пансіонскихъ правилъ, по которымъ не дозволяется даже поцаловать ручку воспитанницы!

- Смотри, пожалуй! сталъ опять острить отецъ: - дѣти они, дѣти, - а только покинь ихъ безъ присмотра, тотчасъ вотъ по натурѣ своей наколобродятъ... ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю: вотъ тотчасъ по натурѣ своей и наколобродятъ.

- Да поразскажите жь намъ, голубчикъ Павелъ Алексѣевичъ, что-нибудь о Любашѣ, сказала съ нетерпѣніемъ хозяйка, выручивъ этимъ молодаго человѣка изъ замѣшательства, въ которое поставило его безтолковое, но громогласное замѣчаніе

Ивана Павловича: - разскажите, что она, моя голубушка, и какъ?

Павелъ Алексѣевичъ принялся выхвалять Любашу съ большимъ чувствомъ, и сознанiе, что онъ можетъ и даже обязанъ дѣлать это въ настоящемъ своемъ положенiи, отдавая объ ней отчетъ ея родителямъ, доставляло ему большое утѣшенiе. Вскорѣ у матери на глазахъ навернулись слезы, старикъ стоя наклонился впередъ и подымалъ брови все выше, да выше, какъ-будто прислушивался внимательно, а между-тѣмъ безпрестанно перебивалъ всѣхъ остротами своими и заставлялъ выслушивать ихъ по два и по три раза, приговаривая: «а слышите, что я говорю? я говорю: ха, ха, ха!»

- Начальница и дамы не нахвалятся ею, продолжалъ Павелъ Алексѣевичъ: - а вы не нарадуетесь, когда свидитесь. Она выросла, уже почти-совсѣмъ сложилась...

- Охъ, Боже мой, сказала мать, всплеснувъ руками: - въ эти годы, можно ли?

- А что жь, матушка? замѣтилъ отецъ: - вѣдь и ты по шестнадцатому году за меня вышла, вспомни!

- И то правда, отвѣчала она, сосчитавъ что-то по пальцамъ: - да вѣдь она ребенокъ еще, видитъ Богъ, ребенокъ...

- Ну, ребенокъ, заревѣлъ Иванъ Павловичъ, позабывъ, что онъ самъ сейчасъ называлъ дочь ребенкомъ: - ну, такой же ребенокъ, какъ и ты! ха, ха, ха! Слышите, что я говорю!

- Какъ, мать такой же ребенокъ, какъ и дочь?

- Ну, да, матушка, да вѣдь я говорю о прошломъ, я говорю...

- Да, о прошломъ! Охъ, разумѣется, всѣ мы были праведными младенцами...

Расторопный слуга вошелъ и спросилъ робко у барина, не будетъ ли какихъ приказанiй на счетъ чего-нибудь, и при этомъ покосился какъ-то странно на гостя. Это значило: кучеръ гостя ужинаетъ, такъ не напоить ли его пьянымъ, чтобъ барина задержать, по обычаю, на ночь, или ужь не снять ли на всякiй случай у брички колесо?

На этотъ разъ подобныхъ распоряженій не послѣдовало: хозяинъ зналъ, что гостю надо быть дома къ сроку и ѣхать на ярмарку, и потому, послѣ долгихъ прощаній, благодареній, дружескихъ приглашеній и благословеній, его благополучно отпустили.

- А о косѣ-то я и позабыла спросить! ахнула старушка, когда бричка покатилась со двора, и кинулась-было къ окну, но опоздала: - сама Любаша ничего толкомъ не напишетъ... такой вѣтеръ! а я и не знаю, выросла ли у нея коса-то, хоть бы вотъ четверти въ три?

- Выросла, матушка, утѣшалъ ее отецъ: - слышишь, сложилась дѣвка совсѣмъ. Ха, ха, ха! и выросла и сложилась!

Скажемъ теперь, проводивъ Павла Алексѣевича, что это былъ сосѣдъ въ шести верстахъ отъ старика Ивана Павловича Гонобобеля и супруги его Анны Алексѣевны, къ которымъ мы сейчасъ заглянули. Мы были тамъ невидимками, и потому съ нашей брички также колесъ не

сняли; но рѣдкому гостю удавалось выѣхать изъ сельца Подстойнаго безъ этой продѣлки.

Павелъ Алексѣевичъ Игривый, полный хозяинъ хорошенькаго имѣньица, Алексѣевки, возвратился года за полтора изъ университета, не кончивъ курса, для пріема имѣнія своего по случаю внезапной смерти отца, и взялся за хозяйство. Онъ съѣздилъ теперь по своимъ дѣламъ въ Кострому и привезъ любезнымъ сосѣдямъ вѣсть о дочери ихъ, которая, какъ мы слышали, оканчивала свой учебный курсъ въ частномъ пансіонѣ, названномъ на вывѣскѣ, не знаю почему, Образцовымъ.

Полчаса, которые Игривый ѣхалъ отъ Подстойнаго до Алексѣевки, прошло въ такомъ же точно сладостномъ забытьи и безсвязныхъ, розовыхъ мечтахъ, какъ все время пути отъ Костромы до Подстойнаго. Павелъ Алексѣевичъ думалъ о томъ, что Иванъ Павловичъ правъ, и Любаша вовсе не дитя, какъ полагала Анна Алексѣевна; что самъ онъ сказалъ истинную правду относительно строгости пансіонскихъ

учрежденій и одной только словесной передачи поцалуя, хотя въ сущности такое задушевное, заповѣдное рукопожатіе, какимъ онъ могъ похвалиться, едва-ли не перевѣситъ инаго необдуманнаго, легкомысленнаго поцалуя; что, наконецъ, Любаша неизъяснимо-мила, не смотря на свой возрастъ отроковицы... Вотъ сущность мечтаній Игриваго, который не скучалъ перебирать думу эту со всѣхъ концовъ, разъигрывать ее на всѣ лады и тѣшиться ею на просторѣ. Обстоятельства не позволили ему кончить университетскаго ученья и заслужить ученую степень; но онъ твердо намѣревался сдѣлать это при первой возможности, приведя дѣла свои въ порядокъ, съ нетерпѣніемъ разсчитывалъ и соображалъ онъ теперь что-то по годамъ и мѣсяцамъ и заглядывалъ въ будущую судьбу свою гораздо-далѣе впередъ, чѣмъ это намъ дозволено.

Годикъ прошелъ незамѣтно; въ Подстойномъ и въ Алексѣевкѣ все оставалось по старому, съ тою только разницею, что Игривый, соскучась безъ

Костромы, къ-счастію, вскорѣ опять нашелъ необходимымъ съѣздить туда, по своимъ дѣламъ, и опять привезъ много поклоновъ отъ Любаши; а затѣмъ, наконецъ, нынѣ событіе необычайное было на-мази въ Подстойномъ: Гонобобель съ хозяйкой снаряжались въ путь-дороженьку, все въ ту же Кострому и притомъ уже за своей Любашей. Она окончила свое образцовое пансіонское ученье. Отъ суеты и крика Ивана Павловича вся дворня стояла всенощную уже семеры сутки сряду; дорожный рыдванъ выкатывали на широкій дворъ и опять подкатывали въ сарай разъ по пяти на день. Хозяинъ самъ ничего не смазывалъ и не увязывалъ, но ходилъ день-деньской въ дегтю и въ смолѣ и не выпускалъ изъ рукъ какой-то толстой бичевки. Всѣ приказанія его отдавались дважды и трижды въ одинъ духъ, съ сильнымъ удареніемъ на «я говорю»; но одна часть приказаній этихъ была уже исполнена наканунѣ, а другая до того противорѣчила первымъ, или даже самому здравому смыслу, что «сейчасъ» и

«слушаю-съ» вырывались изъ устъ прислуги только по исконному обычаю, а вовсе не для того, чтобъ кто-нибудь думалъ объ исполненіи. Анна Алексѣевна переправлялась по нѣскольку разъ въ день изъ заднихъ покоевъ въ сарай съ нѣсколькими попутчицами изъ дѣвичей: всѣ онѣ были навьючены и нагружены, какъ верблюды, и вся поклажа эта, большею частію съѣстные припасы, укладывалась тихомолкомъ въ рыдванъ.

- Половину этого Иванъ Павловичъ непремѣнно выброситъ вонъ, думала скромно про себя Анна Алексѣевна: - такъ пусть же другая половина останется: дорогою пригодится. Кострома не близкій свѣтъ: на своихъ недѣля ѣзды.

Тутъ были не только крендели, кокурки, пироги, курникъ и пирожное всѣхъ родовъ, но были и сушеныя вишни и яблоки и даже моченый горохъ, собственно для Ивана Павловича. До моченаго гороха Иванъ Павловичъ былъ страстный охотникъ, ѣлъ его о всякую пору, особенно дорогой, и имъ-то Анна Алексѣевна очень-

удачно затыкала мужу ротъ, когда онъ начиналъ ворчать слишкомъ-упорно и назойливо.

Игривый навѣдывался въ это время почасту къ сосѣдямъ, и не разъ уже вырывались у него такія странныя выраженія усердія и готовности быть чѣмъ-нибудь полезнымъ при снаряженіи ихъ въ дорогу, что походило на то, будто ему хотѣлось скорѣе ихъ выпроводить. Казалось бы, они ему ничѣмъ не мѣшали тутъ - но видно онъ думалъ объ этомъ иначе, или даже у него была тутъ какая-либо не прямая, а косвенная думка.

Наконецъ взошло то солнышко, которому суждено было, до заката своего, освѣтить поѣздъ Гонобобеля изъ Подстойнаго въ Кострому. Рыдванъ шестерней, да троичная телега стояли у подъѣзда. Несметная дворня, раздѣленная на двѣ густыя толпы, стояла направо и налѣво отъ крыльца, острила надъ кучеромъ и выноснымъ, надъ дѣвкой въ дорожномъ уборѣ, въ какой-то куцой курткѣ и барыниныхъ башмакахъ, - и

ожидала господъ. Въ покояхъ послышались голоса: барыня простилась съ кошками своими въ дѣвичей и тамъ отдала уже всѣ приказанія на-счетъ корма и присмотра за ними; но баринъ прощался съ собаками гласно, какъ на мірской сходкѣ. «Кирюшка!» кричалъ онъ стоя на крыльцѣ, «да чтобы наваръ былъ дважды въ недѣлю, слышишь, а по буднямъ овсянка - слышишь? Я говорю, чтобъ они праздникъ знали... ха, ха, ха! слышите, что я говорю?» и народъ, кланяясь угодливо, отъ души засмѣялся.

- Это что? спросилъ Иванъ Павловичъ, остановившись на второмъ приступкѣ кареты.

- Дорожные припасы, мой другъ, отвѣчала примирительнымъ голосомъ Анна Алексѣевна.

- Это вонъ - ха, ха, ха! и вотъ это вонъ, - и это вонъ, ха, ха, ха! слышите, что я говорю? - И узлы съ мѣшками летѣли изъ рыдвана въ открытыя двери. Дворня подхватывала мѣшки и мѣшечки на лету и, по знаку Анны Алексѣевны, передавала все

это втихомолку на запятки и въ телегу. Довольный этою побѣдой, Иванъ Павловичъ весело усѣлся, сказавъ: «ну, вотъ теперь милости просимъ, матушка Анна Алексѣевна! Слышите, что я говорю - а? Вотъ теперь милости просимъ - ха, ха, ха!»

Поклоны и пожеланія дворни посыпались громогласно; кучеръ свиснулъ, тряхнулъ возжами, и карета покатилась. Телега была нагружена перинами, подушками, дѣвками, овсомъ и Богъ-вѣсть чѣмъ; а потому большая часть узловъ и мѣшковъ, вылетѣвшихъ изъ кареты мановеніемъ руки Ивана Павловича, поступили на временное попеченіе того, кто сидѣлъ на запяткахъ. Бѣднякъ обнялъ во всѣ руки и держалъ цѣлый возъ поклажи, такъ, что ни онъ не видѣлъ свѣту, ни свѣтъ не видалъ его.

- Вотъ это у Нѣмцевъ считается миля, сказалъ Иванъ Павловичъ, выглядывая изъ окна, и вспоминая былое время походовъ: - это семь верстъ.

- Ахъ, ты, Боже милостивый! проговорила, словно проснувшись, Анна Алексѣевна и закрыла лицо руками.

- Что тамъ такое?

- Охъ, ужь не знаю, какъ и сказать, Иванъ Павловичъ! Надо же такому грѣху случиться…

- Да что же такое? говори, я говорю.

- Да ларецъ съ любашинымъ бѣльемъ вѣдь позабыли, весь…

Гонобобель вспыхнулъ какъ ракета и разсыпался звѣздочками въ упрекахъ и нравоученіяхъ. Сто разъ повторилъ онъ, что уже не воротится и что Анна Алексѣевна можетъ теперь управляться какъ ей угодно. Проѣхавъ однакоже еще версты двѣ, онъ закричалъ: стой! велѣлъ отпрячь лошадь изъ-подъ телеги и послалъ за ларцомъ, приказавъ привозить его прямо на ночлегъ. Нравоученія все еще сыпались обильно, но по явному истощенію запаса, повторялись все одни и тѣ же, и притомъ майоръ брюзжалъ даже съ нѣкоторыми разстановками, переводя духъ съ большею свободой. Тогда Анна Алексѣевна, все не

говоря ни слова, разсудила, что пора прибѣгнуть къ моченому гороху: молча подставила она супругу своему мѣшечекъ; старикъ жадно запустилъ туда руку и, набивая ротъ горстями, ворчалъ уже такъ безсвязно и невнятно, что Анна Алексѣевна вольна была принять это за молчаніе, или даже за изъявленіе удовольствія.

Минуемъ теперь прочія событія на пути четы нашей въ Кострому, даже и то, что на первомъ привалѣ, гдѣ стали закусывать, оказались въ наличности однѣ только вилки, и притомъ полная дюжина - а ножей не было ни одного; оставимъ и то, что Гонобобель нашелъ въ каретѣ козла въ мѣшкѣ, какъ онъ увѣрялъ, и кричалъ, и хохоталъ, и бѣсновался, и показывалъ всѣмъ людямъ, что барыня взяла съ собою на дорогу козла въ мѣшкѣ, и заставлялъ всякаго ощупывать рога и велѣлъ его выкинуть вонъ, - и какъ наконецъ оказалось, что это былъ вовсе не козелъ съ рогами, а кисеты съ табакомъ и запасными трубками самого Ивана Павловича, - оставимъ, говорю, все это и пойдемъ,

вмѣстѣ съ родителями, встрѣчать и принимать изъ пансіона единственную дочь ихъ, Любашу.

Странно, скажу и я при этомъ случаѣ въ скобкахъ, приглашая всѣхъ и каждаго послушать что я говорю, - странно: всѣ пансіоны, воспитательныя и учебныя заведенія учреждаются, какъ должно полагать, для того, чтобъ воспитать и образовать человѣка вовсе не для пансіона собственно, а для свѣта, въ которомъ всѣмъ намъ приходится жить... а между-тѣмъ, пошлюсь на любаго - этому ли тамъ всегда учатъ, или этому ли тамъ научаются?..

Публичный экзаменъ, съ музыкой и угощеніемъ и танцами, - съ вѣнками и цвѣточными вензелями, съ рѣчами на трехъ языкахъ, прощальными стихами и прочими принадлежностями, былъ уже оконченъ, когда Гонобобели вкатились въ рыдванѣ своемъ шестерней въ Кострому. Большая часть выпускныхъ дѣвицъ были уже разобраны родителями, прибывшими къ этому экзамену, и Любаша, въ сиротствѣ своемъ, не смотря на живой и веселый

нравъ, пролила уже не мало слезъ, глядя въ томительномъ ожиданіи на своихъ подругъ. Она, запыхавшись, внѣ себя, выбѣжала на встрѣчу родителямъ, пропустивъ на этотъ разъ вовсе мимо ушей столь важныя и дѣльныя наставленія начальницы, которая припоминала ей вслѣдъ, какъ себя держать, какъ присѣдать и кланяться, и какъ привѣтствовать отца и мать. Она бросилась на шею матери, потомъ отцу, тамъ опять матери, рыдала и смѣялась. Анна Алексѣевна плакала также навзрыдъ, и зрѣлище это вышло бы въ-самомъ-дѣлѣ невыносимо-умилительнымъ, еслибъ Иванъ Павловичъ не позаботился придать ему нѣсколько болѣе-успокоительный оттѣнокъ. Старикъ встрѣтилъ дочь громкимъ и глупымъ смѣхомъ, вралъ и мололъ безъ умолку, обращая кстати и некстати вниманіе присутствовавшихъ на умныя рѣчи свои. Дѣвицы, вышедшія скромною вереницей въ пріемную проводить подругу свою и раздѣлить съ нею радость, стояли всѣ въ слезахъ и готовились заранѣе еще къ обильнѣйшему плачу, - но онѣ были до

того озадачены поведенiемъ этого папеньки, что стояли въ совершенномъ недоумѣнiи, какъ безчувственныя куколки. Сама даже начальница была поставлена въ затруднительное положенiе и съ свойственною ей находчивостью тотчасъ же прiискала поводъ, чтобъ пожурить вполголоса покорныхъ овечекъ своихъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманiе отъ странныхъ замашекъ Гонобобеля. Но его нельзя было надоумить этимъ или сбить съ кону: какъ вѣжливый, свѣтскiй человѣкъ, онъ, напротивъ, считалъ долгомъ своимъ придать болѣе-веселый видъ этому свиданiю и прощанiю и занять дѣвицъ, - а потому и обратился тотчасъ же къ нимъ, засыпалъ ихъ вовсе-непонятными для нихъ остротами, и, забывшись нѣсколько разъ, протягивалъ руку, чтобъ, по привычкѣ своей, придержать своего собесѣдника за пуговицу. Онъ наступалъ на бѣдненькихъ, испуганныхъ дѣвицъ вплоть и кричалъ почти въ уши, то одной, то другой: «слышите, что я говорю: я говорю, ха, ха, ха - я говорю: дочка переросла матушку -

а? каковъ ребенокъ? - я говорю, ха, ха, ха - слышите что я говорю? я говорю: невѣста хоть куда, - отбою не будетъ отъ жениховъ - слышите? ха, ха, ха! А ну, поди-ка сюда, продолжалъ онъ: поди, да покажи-ка намъ лѣвое ушко свое, моя ли ты дочь - вѣдь она у меня мѣченая, ха, ха, ха - слышите, что я говорю? она мѣченая у меня - ты ли это, не подмѣнили ль тебя? - Нѣтъ, моя дочка, моя; вотъ и мѣточка - видите, смотрите! Ушко поротое... ха, ха, ха!

Кто взглянулъ бы въ это время на розовое ушко Любаши, которое она улыбаясь подставила, а папенька ея держалъ между пальцевъ, тотъ могъ бы увидѣть на немъ небольшой рубчикъ, длиною съ ноготокъ. Это, безъ всякихъ шутокъ, была мѣтка, которою отецъ помѣтилъ дарованныхъ ему Богомъ дѣтей, дочь и сына, чтобъ они не затерялись, или чтобъ ихъ не подмѣнили. Благоразуміе или предусмотрительность, достойные Ивана Павловича Гонобобеля.

Перерости матушку, какъ замѣтилъ Иванъ Павловичъ, Любашѣ было,

впрочемъ, не мудрено, потому-что Анна Алексѣевна едва доставала носомъ до середнихъ петлицъ на фракѣ своего мужа. Любаша была средняго роста, гибка и такого пріятнаго очерка въ станѣ, что, казалось, было бы легко обнять ее двумя пяденями, приподнять и поставить передъ собою на столъ. Головка ея была живописна кругомъ и со всѣхъ сторонъ; свѣтлорусые волосы, съ пепельнымъ отливомъ, слегка извиваясь волной по обѣ стороны пробора, оттѣняли немножко-азіатское по складу личико, нѣжное, хотя немножко-смугловатое, но съ удивительною живостью и яркостью румянца. Большіе голубые глаза, довольно-рѣзко обозначенныя брови, прямой лобъ, носикъ, который спереди казался нѣсколько-плосковатымъ, но съ боку представлялъ легкій погибъ, рѣзко-обозначенныя яркопунсовыя губки, ямки на щекахъ, истинно-калмыцкіе, поднизанные на-подборъ зубки и изумительно-прелестный погибъ бархатной шеи - все это оживлялось еще необычайною жизнію во взорѣ и во

всѣхъ движеніяхъ, нѣсколько-поспѣшныхъ, но плавныхъ и нѣжныхъ - доказывающихъ, однакоже, опытному наблюдателю, что здѣсь женственность была развита въ высшей степени и первое впечатлѣніе, чувство, брало верхъ надъ разсудкомъ...

Между-тѣмъ, предусмотрительный сосѣдъ Гонобобеля, разсчитавъ, къ какому времени можно ожидать сосѣдей обратно изъ Костромы и убавивъ на всякій случай денька три изъ этого счета, отправлялся ежедневно подъ вечеръ, то пѣшкомъ для прогулки, то верхомъ, то на дрожечкахъ въ сельцо Подстойное, а иногда проѣзжалъ еще версты двѣ за него, и возвращался шажкомъ домой. Онъ дѣлалъ это самъ не зная къ чему и для чего, дѣлалъ потому-что ему хотѣлось гулять въ эту сторону, а не въ другую, и что онъ воленъ былъ располагать и собою и временемъ. Никакой положительной мысли въ немъ не созрѣло: онъ дѣтски игралъ мечтами и былъ счастливъ.

Подъѣзжая однажды къ усадьбѣ Ивана Павловича, онъ увидѣлъ на другомъ

концѣ сельца облако пыли - вѣщее взъиграло не даромъ: это катилъ рыдванъ шестерней и троичная телега. Дорожная поклажа усилилась еще и наросла разными покупками въ губернскомъ городѣ, и потому коробки, кузовки, картоны, мѣшки и узлы навалены были гора-горой, какъ на телегѣ, такъ даже и на чердакѣ рыдвана, который, не смотря ни на какія возраженія и остроты Ивана Павловича, въ этомъ безобразномъ видѣ, круглый и пузатый, какъ готовый къ отлету воздушный шаръ, величаво приближался къ барской усадьбѣ. Игривый считалъ въ это время всякое посѣщеніе неумѣстнымъ, и потому хотѣлъ-было воротиться потихоньку домой; но, высматривая съ осторожностію нѣкоторыя подробности этого поѣзда и стараясь по-временамъ проникнуть взоромъ въ необъятную, темную хлябь черезъ опущенное окно рыдвана, Павелъ Алексѣевичъ невзначай встрѣтилъ высунувшуюся оттуда головку: она кивала ему привѣтливо; затѣмъ, оборотившись на одно мгновеніе внутрь, казалось, поспѣшно

что-то проговорила и опять уже съ улыбкою выглядывала въ окно. За нею показалось въ тѣни еще какое-то широкое лицо и, кажется, также третье, и наконецъ даже сидѣвшій за каретой на горѣ Монбланѣ Филька снялъ дорожный картузъ свой и низенько раскланивался.

Нечего было дѣлать - Игривый подъѣхалъ ко двору, и встрѣтивъ хозяевъ у крыльца, сталъ ихъ высаживать. Напередъ всего вывалился самъ Гонобобель, изъявляя громогласно радость свою при нечаянномъ свиданіи съ дорогимъ сосѣдомъ и строго приказывая всѣмъ слушать, что самъ онъ, Гонобобель, говоритъ. Дворня окружала господъ, стая собакъ бросилась съ лаемъ и воемъ на почтеннаго хозяина и сбила его съ ногъ; а какой-то шальной теленокъ, котораго всполошили собаки, метался какъ угорѣлый между людьми, лошадьми, постромками и собаками, лягался и ревѣлъ благимъ матомъ. Гонобобель отбился наконецъ отъ домочадцевъ своихъ и обнялся съ гостемъ, взявъ его при этомъ случаѣ руками за уши,

какъ самоваръ; онъ самъ не могъ нарадоваться этой замысловатой выдумкѣ и кричалъ и объяснялъ ее послѣ цѣлый день. Высаживая Анну Алексѣевну, Игривый поцаловалъ у ней ручку и не успѣлъ покоситься черезъ старуху въ рыдванъ, какъ третья и послѣдняя птичка уже выпорхнула оттуда сама, привѣтствовала сосѣда, быстро оглядывалась кругомъ, припоминая предметы, знакомые ея дѣтству, улыбалась радостно, а между-тѣмъ слезинка дрожала на русой рѣсницѣ... Дворня также со слезами бросилась въ ноги барышнѣ, и нянюшки чуть не унесли ея на рукахъ.

- Что жь ты, привезъ ли мнѣ для сюрприза на новоселье кобеля-то? заревѣлъ Гонобобель, когда всѣ вошли въ покои, напоминая Игривому обѣщанiе его.

- Нѣтъ, не привезъ, отвѣчалъ тотъ: - я не надѣялся застать васъ сегодня здѣсь...

- Такъ чортъ ли въ тебѣ, коли ты одинъ прiѣхалъ! ха, ха, ха, слышите, что я говорю? я говорю: чортъ ли въ тебѣ, коли ты ко мнѣ прiѣхалъ одинъ... ха, ха, ха...

Между-тѣмъ, какъ кошки взметывались отъ радости въ комнатахъ подъ самый потолокъ, а оттуда валились клубомъ подъ ноги, мяукали и ластились, а дѣвки и вся дворня зашевелились какъ пчелиный рой - Анна Алексѣевна старалась ласками своими загладить по возможности довольно-странное привѣтствіе своего супруга. Игривый, конечно, вовсе въ этомъ не нуждаясь, съ умиленіемъ смотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку, которая разсказывала ему необычайныя для нея дорожныя приключенія. Не смотря на завидное положеніе свое, онъ, однакожь, вскорѣ опомнился, простился, обѣщавъ опять навѣстить сосѣдей, и оборотился къ передней, - но здѣсь новое, неожиданное препятствіе остановило его: дорожные чемоданы, сундуки, ларцы, коробки, кузовки, мѣшки и узлы разнаго рода и вида не только покрыли собою весь полъ и не давали ни конному, ни пѣшему прохода, но поклажа эта взгромождена была у самыхъ дверей горой, выше роста человѣческаго. Одинъ подавалъ, другой принималъ,

ставилъ все тутъ же и убѣгалъ въ другую сторону, и такимъ-образомъ дверь была загорожена. Только послѣ долгаго шума, крика и многихъ остротъ со стороны хозяина, наконецъ дорога была кой-какъ очищена, и сосѣдъ окончательно раскланялся.

- Мы къ вамъ въ воскресенье къ обѣднѣ, кричала ему вслѣдъ въ окно Анна Алексѣевна, и онъ, раскланиваясь, просилъ пожаловать и зайдти къ нему закусить.

Утромъ крестьяне и крестьянки пришли къ барышнѣ своей на поклонъ, съ ягодами, яблоками, яйцами, цыплятами и полотенцами. Все это было ей очень-ново, и, странно - она безпрестанно оглядывалась на мать, ожидая отъ нея наставленія, какъ и что дѣлать; вмѣшавшись же наконецъ въ толпу, она перецаловала всѣхъ дѣвушекъ и тѣмъ доставила старикамъ-крестьянамъ большое утѣшеніе.

Что же Любаша нашла въ отчемъ домѣ, и чѣмъ отозвалось въ ней все то, что она тамъ на первый случай встрѣтила? На первый случай - она была довольна и

счастлива; она вышла изъ-подъ тягостной опеки на волю; она была уже вовсе не тою дѣвочкой, которую мадамъ журитъ весь день, при каждой встрѣчѣ, наказывая держаться прямѣе, ходить плавнѣе, присѣдать милѣе: она сама сдѣлалась внезапно какою-то повелительницей, и всѣ въ домѣ смотрѣли барышнѣ въ глаза, чтобъ только на нее чѣмъ-нибудь угодить. О хозяйствѣ, о должномъ порядкѣ въ домѣ - у нея, разумѣется, не было никакого понятія, и ей казалось, что до всего этого ей нѣтъ и не будетъ никакой нужды; она рождена на свѣтъ и воспитана въ образцовомъ костромскомъ пансіонѣ, для чего? да, для чего? - это вопросъ слишкомъ-неожиданный и странный; о подобномъ вопросѣ она еще и не слыхивала, а полагаетъ, если только должна быть особая цѣль и назначеніе ея бытію - полагаетъ, что она родилась на свѣтъ для радости, для веселья, для того, чтобъ порхать и тѣшиться и забавляться въ-теченіе бѣлаго дня, а по ночамъ дремать подъ сладкія грезы... О неуклюжихъ

странностяхъ отца она судить не смѣла, и потому его не осуждала, хотя часто краснѣла отъ него; она чувствовала, что ей какъ-то неловко, но скоро опять забывала это и наконецъ рѣшила, что видно-де этому такъ и должно быть...

Въ воскресенье Игривый хлопоталъ уже съ утра о достойномъ пріемѣ дорогихъ гостей. Они точно пріѣхали къ обѣднѣ, а изъ церкви, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошли его навѣстить. Тутъ закусили, осмотрѣли хозяйство и садъ, а когда наконецъ вошли въ покои и стали собираться въ обратный путь, то не могли доискаться Любаши, которая одна-одинёхонька бѣгала по саду. Скрѣпя сердце, Игривый сидѣлъ въ это время чинно со стариками; но чувства и думка его, конечно, бродили въ иномъ мѣстѣ.

- Гдѣ она? кричалъ Гонобобель: - пропала, что ли? Такъ не даромъ же она у меня мѣченая - ха, ха, ха! слышите, что я говорю? - и взялъ вбѣжавшую Любашу за ушко, чтобъ освидѣтельствовать знаменитую мѣтку: - такъ, она и есть, не

подмѣнили; да гдѣ же ты это пропадаешь? ужь не хочешь ли здѣсь остаться - а? слышите, что я говорю - ха, ха, ха...

Анна Алексѣевна съ трудомъ замяла этотъ довольно-странный вопросъ, который, впрочемъ, нисколько не смѣшалъ Любаши, потому-что она вовсе не поняла его значенія.

- Вы скоро къ намъ будете? спросила она Павла Алексѣевича, который провожалъ дорогихъ гостей на крыльцо.

- Скоро, когда угодно, когда позволите, отвѣчалъ онъ.

- Пріѣзжайте, продолжала она: - вотъ хоть завтра... я начинаю скучать безъ моихъ добрыхъ подругъ. А васъ я видѣла тамъ, съ ними; мнѣ все кажется, что вы такіе жь добрые, какъ онѣ, и мнѣ съ вами веселѣе. Я давно вамъ хотѣла сказать, что вы походите на Машу Суслонцеву: это мы всѣ рѣшили и прозвали ее за это вашимъ именемъ.

Отецъ подошелъ въ это время съ новыми замысловатыми остротами своими, ухватилъ Игриваго за пуговицу и,

повертывая его съ права на лѣво и съ лѣва на право, вралъ и хохоталъ ему на ухо. Линейку подали, Гонобобели уѣхали, Игривый долго глядѣлъ имъ въ слѣдъ, задумчиво поплелся въ садъ, отъискивая на пескѣ по дорожкамъ слѣдовъ пары маленькихъ ножекъ - а вся дворня, вся деревня, наконецъ и всѣ сосѣди и весь околотокъ начали понимать, намекать и пророчить, что изъ этого-де что-нибудь да выйдетъ.

Такъ мирны, тихи и складны были дѣла и сношенія между Алексѣевкой и Подстойнымъ и оставались въ этомъ видѣ цѣлый годъ. Сосѣди такъ свыклись между собою, что имъ было скучно другъ безъ друга, если они два дня сряду не видались; а Игривый и Любаша въ-самомъ-дѣлѣ казались связанными уже гораздо-болѣе, чѣмъ однѣми узами свѣтской пріязни. Никогда, правда, между ними рѣчи не было о разъясненіи этого чувства и взаимныхъ ихъ отношеній; но всякій посторонній зритель не могъ ни на минуту оставаться на-счетъ этого въ сомнѣніи. Они

безсознательно наслаждались мирнымъ и тихимъ блаженствомъ своимъ, не нуждались доселѣ ни въ какихъ болѣе объясненіяхъ и не думали еще о перемѣнѣ своего положенія, - такъ оно казалось имъ хорошо.

Между-тѣмъ, какъ у нихъ у обоихъ не было завѣтныхъ тайнъ другъ отъ друга, то и бывала почасту рѣчь о томъ, что Игривый намѣренъ вскорѣ отправиться на годъ въ университетъ, для окончанія курса. Онъ говорилъ объ этомъ охотно, какъ-будто къ слову и случайно, замѣчая, какъ и чѣмъ это отзовется въ Любашѣ и услаждаясь тѣмъ, что она, смотря по расположенію своему, то хмурила брови, подтягивала губку и немножко дулась, то озадачивала друга нѣжнымъ и убѣдительнымъ взглядомъ, то прямо старалась отклонить его отъ этого намѣренія словесными убѣжденіями и доводами, которые всегда подавали поводъ къ нѣжнымъ бесѣдамъ, хотя въ нихъ собственно о нѣжности и о любви не упоминалось. Въ-слѣдствіе ли этихъ объясненій и дѣтскихъ упрековъ, или

по другимъ причинамъ, но Игривый собирался уже и не поѣхалъ въ первое полугодіе или семестръ послѣ пріѣзда Любаши, не поѣхалъ и во второе, послѣ новаго года, а теперь собирался, какъ-будто не шутя, на третье, расписывая въ воображеніи своемъ сладкую горечь разлуки, блаженство свиданія и наконецъ внезапную, счастливую развязку, которая должна повершить дѣло. Ему казалось, когда онъ размышлялъ объ этой блаженной будущности, что тутъ препятствій никакихъ быть не можетъ; въ Любашѣ онъ былъ увѣренъ, а со стороны родителей ея не только нельзя было ожидать какихъ-либо затрудненій, но, напротивъ, они, по-видимому, весьма желали этого союза, приличнаго и выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Отдать дочь за порядочнаго и не бѣднаго сосѣда - какой же отецъ и мать отъ этого откажутся?... Впрочемъ, мы здѣсь взялись пояснять, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ и самому Игривому было ясно; всѣ размышленія эти происходили въ немъ почти безсознательно, и когда онъ ловилъ

себя на нихъ врасплохъ, то самъ первый восклицалъ: «какой вздоръ - ну, съ чего ты это взялъ?»

Однажды вечеромъ, Игривый расхаживалъ рядомъ подлѣ Любаши взадъ и впередъ по дорожкѣ въ саду, передъ чайнымъ столомъ, за которымъ сидѣли родители ея и еще два-три сосѣда. Онъ опять завелъ вполголоса рѣчь о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ концѣ каникулъ и собирался съ духомъ, для дальнѣйшихъ, необходимыхъ объясненій. Любаша привыкла уже слышать, въ общихъ словахъ, объ этомъ любимомъ предположеніи своего друга; но будущее казалось ей всегда такъ далеко, что положительное назначеніе столь-короткаго срока какъ-то непріятно поразило ее. Она задумалась: ей представилось живо это одинокое, томительно-смутное время, когда она будетъ одна на свѣтѣ, когда у нея даже не будетъ подъ рукой Павла Алексѣевича, и она не могла понять, почему же она прежде жила спокойно безъ него, а теперь этого не можетъ? У нея не доставало духа на какое-

либо объясненіе; она потупила глаза, повѣсила голову, стала задумчиво играть вѣточкой, которую держала въ рукахъ, и сама не замѣчала ни странности своего молчанія, ни томительнаго ожиданія своего друга.

- Будете ли вы меня помнить? сказалъ онъ наконецъ: - узнаете ли вы меня, когда я ворочусь опять къ вамъ?

Она быстро взглянула на него, и какой-то скорый отвѣтъ едва-было не вырвался изъ устъ ея - но она опомнилась и выговорила только едва-внятно:

«Я?» потомъ смолкла и опять опустила голову.

Игривый былъ поставленъ еще въ большее затрудненіе и ломалъ себѣ голову, какъ понять это «я», и какимъ образомъ теперь продолжать. Если сказать на это: «да, вы», то это также ничего не выражало и казалось пошлымъ, растягивая безъ нужды объясненіе, которое, по важности своей, должно бы быть какъ-можно-болѣе сжатымъ; времени было немного... Если повторить вопросъ, сказавъ: «да, будете ли

вы меня помнить?», то это, казалось, слишкомъ-настойчиво; и безъ того уже, для этой торжественной минуты, было сказано довольно-много... Игривый только-что нашелъ-было средину, вздохнулъ и хотѣлъ сказать: «вы не отвѣчаете?..» какъ поровнялся съ чайнымъ столикомъ, и у него въ ушахъ раздалось:

- Слышите, что я говорю, Павелъ Алексѣевичъ? ха, ха, ха, я говорю: а по чьей же дудкѣ и плясать женѣ, какъ не по мужниной - ха, ха, ха!

Эта необычайная острота Гонобобеля заставила Игриваго изъ приличія остановиться и даже кивнуть головой и улыбнуться; затѣмъ, онъ былъ вовлеченъ въ общій разговоръ, а подруга его услана матерью съ хозяйственнымъ порученіемъ. Она воротилась съ какимъ-то постнымъ лицомъ: щеки ея горѣли, губки, и безъ того рѣзко-обозначенныя, были какъ-то сжаты, а глаза по-видимому избѣгали встрѣчи со взоромъ опаснаго сосѣда. Игривому казалось, что этотъ вечеръ долженъ рѣшить судьбу его, что болѣе-приличнаго случая

для окончательной развѣдки нельзя ожидать. Онъ внимательно подстерегалъ всѣ движенія Любаши и выбиралъ только время, чтобъ сказать ей нѣсколько словъ, какъ послышавшійся вдали колокольчикъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

- Не уѣзжайте, сказала Любаша почти шопотомъ, поднявъ глаза прямо на своего друга, и въ то же время, какъ-будто боясь продолженія этого разговора, подошла ближе къ матери и стала обращать вниманіе ея на колокольчикъ.

О, этотъ колокольчикъ и черезъ двадцать лѣтъ еще часто раздавался въ ушахъ Игриваго, когда онъ, въ одиночествѣ своемъ, сидѣлъ повѣся голову, и глядѣлъ умственными очами на картины волшебнаго фонаря воспоминаній своихъ. Этотъ колокольчикъ напоминалъ ему задушевное выраженіе голоса и взора Любаши, когда она просила: «не уѣзжайте!» Этотъ же колокольчикъ внезапно прервалъ бесѣду, которая, вѣроятно, рѣшила бы судьбу Игриваго иначе, чѣмъ она рѣшилась теперь

- все черезъ тотъ же роковой колокольчикъ!

- Вѣрно исправникъ, говорилъ прислушиваясь одинъ.

- Нѣтъ, зачѣмъ ему теперь быть, замѣтилъ другой.

- Наше мѣсто свято, кричалъ третій, и хохоталъ при этомъ на весь міръ: - слышите, что я говорю? я говорю: наше мѣсто свято - ха, ха, ха!

Между-тѣмъ, колокольчикъ все ближе да ближе; щегольская коляска остановилась у подъѣзда на дворѣ - и мать, отецъ и дочь бросились съ криками радости на встрѣчу одному изъ двухъ улановъ, выскочившихъ изъ коляски: это былъ вновь-произведенный корнетъ, Карпъ Ивановичъ Гонобобель, сынъ Ивана Павловича и Анны Алексѣевны и братъ Любаши.

- Ротмистръ Шилохвостовъ, Семенъ Терентьичъ, сказалъ молодой корнетъ, представляя родителямъ своего гостя и попутчика, когда первые порывы восторга свиданія успокоились: - позвольте

представить вамъ моего искренняго друга, самаго благороднаго и отличнаго офицера.

- Ты меня заставляешь краснѣть, сказалъ скромно Шилохвостовъ, взглянувъ на друга своего, потупивъ глаза и подходя къ ручкѣ матери и сестры его...

- Очень-рады, милости просимъ, очень благодарны за доброе расположенiе ваше къ Карпушѣ, просимъ покорно... сказала Анна Алексѣевна.

Гонобобель облобызалъ гостя и, забывшись, чуть не ухватилъ его при этомъ также за уши, - до того ему шутка эта полюбилась, и сказалъ:

- Вотъ, мы всё думали, что Карпуша дуракъ - прошу покорно, очень-радъ - а онъ вотъ какого дорогаго гостя привелъ - ха, ха, ха, очень-рады! ай-да Карпуша!

Ободренный этимъ, Карпуша обратился къ своему прiятелю и сказалъ:

- Вотъ, братецъ, видишь, тебѣ всѣ рады. Сдѣлай милость, будь какъ дома.

Гостямъ отвели комнату, поставили снова самоваръ, посылали спрашивать не хотятъ ли пообѣдать, или такъ чего-нибудь

поѣсть, ягодъ со сливками, огурцовъ съ медомъ, простокваши, варенца, творогу; подали сметаны со ржанымъ хлѣбомъ, - нѣкогда любимое кушанье Карпуши, и не знали, чѣмъ бы угостить Шилохвостова, который не бралъ въ ротъ молочнаго и даже чай пилъ по-китайски, безъ сливокъ.

- Экіе недогадливые! закричалъ наконецъ догадливый хозяинъ: - вздумали улановъ угощать сливочками, да сметанкой? ха, ха, ха! а вы, горькой подайте, - это всегда кстати, - да ромку къ чаю, съ позолотцей выпьемъ - а? слышите, что я говорю? я говорю: съ позолотцей - ха, ха, ха!

Подали того и другаго, и Карпуша, къ крайнему удивленію маменьки, тотчасъ же покинулъ и сметану и чай со сливками и подсѣлъ, нисколько не обинуясь, къ горькой и къ рому. Ротмистръ скромничалъ и заставлялъ себя просить, увѣрялъ даже, что онъ почти вовсе не пьетъ; но товарищъ его, на котораго отецъ не могъ налюбоваться, распоряжался полковымъ порядкомъ: онъ вылилъ въ глотку большую

рюмку, не прикасаясь къ ней руками, а охвативъ ее всю, прямо со стола, губами и опрокинувъ голову назадъ. Эта штука привела папеньку въ восторгъ; маменька же, напротивъ, какъ-будто силилась улыбнуться, чтобъ не нарушить общей веселости; но заботливыя морщинки скоплялись на челѣ ея, и она никакъ не могла принудить себя раздѣлить одобрительный возгласъ своего сожителя; а между-тѣмъ, милый Карпуша, отъ перетроёной настойки этой, даже не поморщился и не крякнулъ.

Любаша не могла отвести глазъ отъ милаго братца, съ которымъ уже два года не видалась, и уланскій мундиръ прельщалъ ее до нельзя. По-временамъ встрѣчала она также взоромъ благообразнаго ротмистра, съ большими русыми бакенбардами, съ прекрасными усами, шелковистыми кудрями и сѣрыми, но выразительными и нѣжными глазами. Наружность ротмистра была въ-самомъ-дѣлѣ пріятна, всѣ пріемы его ловки, обращеніе скромно и обязательно.

Игривый бывалъ съ-издѣтства товарищемъ Карпуши, а потому и теперь поздоровался съ нимъ по-братски, и они при этой встрѣчѣ остались опять по прежнему на ты и ты. Перемѣны, которыя Павелъ Алексѣевичъ въ это короткое время могъ замѣтить въ Карпушѣ, не слишкомъ утѣшали Игриваго; новый гость, котораго тотъ привезъ, какъ-то еще менѣе былъ по вкусу сосѣда; не менѣе того, когда, по распоряженію хозяина, подали на радости такъ-называемаго шампанскаго, то всѣ трое молодыхъ людей, ротмистръ, корнетъ и отставной студентъ, по настоянію расходившагося майора, пили въ круговую за здравіе другъ друга, обнялись на побратимство и скрѣпили дружбу свою братскимъ ты. Впрочемъ, мы уже видѣли, что молодой корнетъ и прежде этого былъ съ ротмистромъ своимъ на такой короткой ногѣ.

Игривый не навѣщалъ сосѣдей послѣ этого дня три, желая дать имъ покой, и былъ приглашенъ въ Подстойное къ обѣду, который давался въ честь новаго корнета.

Если Павла Алексѣевича и безъ того уже взяло какое-то раздумье послѣ описаннаго нами вечера, то теперь онъ подавно былъ сбитъ съ толку. Любаша какъ-то робѣла и мѣшалась при немъ, даже будто избѣгала разговора и все держалась около брата, отъ котораго не отходилъ ни на шагъ благообразный ротмистръ. Три побратима прохаживались послѣ обѣда по саду, гдѣ все общество разсѣялось, и Карпуша, послѣ нѣсколькихъ двусмысленныхъ намековъ, сказалъ:

- Какой чудакъ этотъ ротмистръ! Послушай, Павелъ: я его привезъ потому, что прочу въ женихи сестрѣ - онъ ей-Богу славный, преотличный человѣкъ и благородный малый - а онъ ломается теперь, да несетъ Богъ-вѣсть что.

Павла Алексѣевича, конечно, не бархатомъ по сердцу погладило отъ этихъ словъ; но онъ собрался съ духомъ, осилилъ всякое движенiе, казался спокойнымъ и взглянулъ только слегка вопросительно на того и на другаго.

- Ты, братецъ, по дружбѣ своей, слишкомъ-хорошо обо мнѣ относишься, сказалъ довольно-равнодушно Шилохвостовъ, глядя въ землю: - вѣдь я... да, впрочемъ, всякому позволено сомнѣваться, составитъ ли онъ счастіе дѣвушки, и даже подумать о томъ, не навьючатъ ли ему, можетъ-быть, арбузъ... да и согласится ли сама сестра твоя... почему она меня знаетъ? Она можетъ думать, что я какой-нибудь подлецъ...

Карпъ Ивановичъ, которому еще не было двадцати лѣтъ и который тридцати-трех-лѣтняго ротмистра своего называлъ «малымъ», прибавляя къ этому безпрестанно то «добрый», то «славный», то «лихой», то «благородный», - Карпъ Ивановичъ не далъ ему договорить, ручался за успѣхъ, ссылался при этомъ безпрестанно на Павлушу, т. е. на Игриваго, и предлагалъ посватать сестру сегодня же, сейчасъ же, и запить невѣсту въ этотъ же вечеръ. Разговоръ о питьѣ былъ любимымъ у Карпуши, и онъ рѣдко безъ него оканчивалъ бесѣду.

Игривый былъ поставленъ въ самое странное положеніе. Онъ могъ только отмалчиваться. Къ-счастію, собесѣдники его были оба слишкомъ-заняты своимъ разговоромъ, и Карпуша, ссылаясь то-и-дѣло на Павлушу, не ожидалъ, однакоже, отвѣта его и вралъ самъ-по-себѣ дальше.

Вечеромъ плясали шумно и весело; ротмистръ былъ отчаянный мазуристъ того времени, когда бросались въ мазуркѣ на колѣни передъ дамой своей, топали, шаркали, щелкали каблуками и побрякивали шпорами. Побѣда въ танцахъ на этотъ разъ безспорно осталась за уланами; Любаша еще въ жизнь свою не танцовала такъ много и притомъ въ большомъ обществѣ, а на долю ея достался первый и превосходный кавалеръ, ротмистръ Шилохвостовъ. Она была внѣ себя отъ удовольствія, и всѣ, всѣ дѣвицы, отъ первой до послѣдней, завидовали ей какъ-нельзя-больше. Ей то-и-дѣло шептали въ уши: «ахъ, машеръ, какъ ты счастлива! ахъ, какой онъ милый! ахъ, машеръ, поздравляю съ побѣдой!..» Разумѣется, что

это чрезвычайно льстило самолюбію бѣдненькой дѣвушки, хотя она въ этомъ и не сознавалась и даже, можетъ-быть, сама этого не знала. Игривый глядѣлъ на все это въ какомъ-то раздумьи и также самъ не зналъ, какъ понять то, что онъ видѣлъ, и чѣмъ все это кончится.

Когда къ ночи послѣ бала ротмистръ съ корнетомъ остались глазъ-на-глазъ, и притомъ немножко съ позолотой, то рѣчь между ними сейчасъ опять зашла о Любашѣ. «Что же?» сказалъ братецъ ея, скинувъ мундиръ, присѣвъ на кровать свою и подпершись въ обѣ руки: - «что же? видно, братъ, Сеня, Любаша тебѣ не нравится, а я думалъ ужь какъ тебѣ услужить!»

Сеня прохаживался большими шагами по комнатѣ, набивая изъ кисета трубку. - Послушай, сказалъ онъ, остановясь передъ Карпушей: - вѣдь сестра твоя не шутя дѣвушка предостойная, премилашка... Ну, воля твоя, братецъ, мнѣ совѣстно; ну за что же я заѣмъ у нея вѣку? за что я ее утоплю за себя? Другое дѣло какая-нибудь тамъ

Перепечихина или Перепутилова, да коли этакъ поддѣть можно ее душъ на сотенку, ну что жь? это не грѣхъ; а ты подумай, братецъ: мы съ тобой друзья закадычные, да вѣдь и она тебѣ родная сестра!

- Да о чемъ же ты хлопочешь, Сеня? Я тебя, воля твоя, не понимаю! Ну, такъ чѣмъ же она тебѣ не дружка? Ну, говори! Самъ говоришь: и хороша, и мила, и достойна, и душъ, хоть сотня не сотня, а подъ семьдесятъ на ея долю наберется; а мнѣ вѣдь все равно, не миновать же раздѣла: такъ ужь лучше жь пусть тебѣ достается. Вѣдь я же говорю это любя тебя; а ты какую-то дичь несешь. Что жь ты, боишься, что ли, ее? вѣдь она агнецъ; а ужь какъ-бы мы зажили съ тобой - ухъ! только пыль столбомъ! Я, братъ, еще не скоро женюсь, мнѣ еще рано, я бы подлѣ васъ такъ пошелъ пробавляться, а ты, душа моя... да вѣдь мнѣ бы хотѣлось тебѣ услужить, а лучшаго мужа я сестрѣ своей не найду, хоть свѣтъ пройду, ей-Богу.

- Братецъ ты мой, душка ты моя! все это правда; да вѣдь я-то подлецъ... Ну,

скажи, ради Бога, правду, ну, вѣдь просто подлецъ (*)?

- Никогда! возразилъ съ жаромъ братецъ, вскочивъ съ кровати и замахавъ руками: - никогда, ни за что! Богъ съ тобой! откуда ты это взялъ?

- Ну, да какъ же, милый ты мой, продолжалъ тотъ, покачавъ головой и опустивъ руки: - вѣдь изъ трехъ полковъ меня выгнали, и тутъ служить со мной не хотятъ; ну, и пьяница я, и буянъ я, - ну, вѣдь буянъ? - и картежникъ я, и по рожѣ битъ, а тутъ вотъ еще связался съ тобой... ну, разсуди же самъ, ну, не подлецъ ли я? Ну, кто же я таковъ?

- Премилый и разлихой малый, возразилъ опять братецъ: - ну, дай же себя обнять, да хорошенько, вотъ такъ... Да не отворачивай рыла-то, дай сюда его, - чмокъ, - премилый, преблагородный, пребезподобный и рѣдкостный малый! Душа моя, ну, зять ты мнѣ? зять? говори! Сестричку мою берешь за себя? а? породнимся, что ли?

- А что же ты думаешь, въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Шилохвостовъ, надумавшись и разнѣжась въ объятіяхъ друга: - можетъ-быть, я и не хуже другаго; вѣдь мало ли подлецовъ на свѣтѣ, да еще какихъ - ухъ!! Вѣдь и я тоже человѣкъ, и добраго сердца человѣкъ; женишься, перемѣнишься; ну, исправлюсь и я...

- Исправишься, милашка мой, душечка мой, ей Богу-исправишься. А на свѣтѣ, разумѣется, мало ли подлецовъ, объ этомъ что и говорить! Ну, по рукамъ же!

- По рукамъ! сказалъ расхрабрившійся ротмистръ, ударивъ съ размаха корнета по плечу такъ, что тотъ покачнулся. Друзья обнялись и облобызались, еще разъ ударили по рукамъ и снова принялись обниматься; шальной и полупьяный Карпуша хотѣлъ сейчасъ же бѣжать сватать сестру; ротмистръ удерживалъ его и принужденъ былъ, наконецъ, отнять у него почти-насильно сюртукъ, обнимая и упрашивая успокоиться до завтра. Они строили планы до бѣла-свѣта о томъ, какъ они будутъ вмѣстѣ жить; Карпуша

разжился на этотъ чрезвычайный случай еще бутылкой рома, сахаромъ и самоваромъ, а Синюшка клялся ему съ восторгомъ, что милѣе Любаши онъ въ жизнь свою не видѣлъ дѣвушки, и что при первомъ взглядѣ на нее влюбился на-смерть.

На другое утро, Карпуша пошелъ сватать сестру свою. Правда, что, проспавшись, Шилохвостовъ струсилъ и началъ-было опять впадать въ свое отчаянное уничиженіе; но вскорѣ собрался съ духомъ, находя, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ нсравненную Любашу, что, впрочемъ, вся вина должна пасть на брата ея, что теперь, когда его-самого опять уже выжимали изъ полка, ему всего выгоднѣе было выйдти въ чистую отставку, жениться на помѣщицѣ и зажить спокойно домкомъ и дворомъ. Къ этому разсужденію присоединилась и несомнѣнная увѣренность въ самомъ-себѣ, что онъ непремѣнно исправится и сдѣлается хоть и не самымъ отличнымъ, но все-таки, въ сравненіи съ

теперешнимъ бытомъ своимъ, очень-порядочнымъ человѣкомъ.

Любаша испугалась-было сначала предложенія брата своего, который вбѣжалъ къ ней безъ толку, выплясывая мазурку и побрякивая шпорами, потомъ сталъ божиться, что ротмистръ влюбленъ въ нее на-смерть, и въ-слѣдствіе того предлагалъ ей за него выйдти; но положеніе ея казалось ей столь новымъ и такъ сильно ей льстило, что сватовство это стало ее тѣшить; она начала забавляться имъ и впала вскорѣ съ братомъ въ ребяческія шутки, и сама возвратилась на время къ годамъ своего дѣтства въ пансіонѣ, гдѣ шпоры и эполеты разъ-на-всегда брали верхъ надъ фракомъ, и гдѣ гусаръ или уланъ мгновенно привлекалъ къ окну всю бѣлолицую и остроглазенькую толпу, тогда-какъ платье гражданскаго покроя никогда не удостоивалось и взгляда. Блёстки, разсыпанныя по вихрю, мелькнули въ глазахъ дѣвушки и ослѣпили ее; другому чувству не было простора. Карпуша, впрочемъ, и не выждалъ положительнаго

отвѣта сестры, которая еще не успѣла опомниться, а наговоривъ ей съ три короба и насуливъ небывалаго счастія, расцаловалъ ее и побѣжалъ къ отцу. Съ матерью онъ не хотѣлъ объ этомъ толковать, изъ опасенія, чтобъ дѣло не затянулось.

Ивану Павловичу Карпуша также съ перваго раза закидалъ глаза неожиданнымъ счастіемъ, которое ожидаетъ сестру. Онъ лгалъ и хвасталъ, по милой привычкѣ своей, безъ всякаго дурнаго намѣренія; кажется, что его при этомъ соблазняла болѣе всего честь называть ротмистра зятемъ, и что онъ былъ подкупленъ снисходительностью и любезностью своего эскадроннаго командира, съ которымъ онъ былъ, какъ мы видѣли, на самой дружеской, братской ногѣ. Онъ увѣрилъ отца, что Шилохвостовъ перваго дворянскаго рода въ Россіи; что онъ богатъ, много наживаетъ отъ эскадрона и ремонта, и еще болѣе вскорѣ получитъ отъ дяди, который уже на ладанъ дышитъ; что эскадронный командиръ его самый лихой, самый добрый и благородный малый, и

притомъ лучшій служака, изъ-за котораго поссорились всѣ полковые командиры цѣлой дивизіи. Карпуша очень-хорошо зналъ, что у ротмистра ремонта нѣтъ, а вскорѣ не будетъ и эскадрона, что наслѣдства онъ можетъ ожидать развѣ только отъ своего деньщика; но что нужды? Карпуша плелъ и путалъ все такъ, какъ ему теперь казалось выгоднымъ, и не хотѣлъ выдать своего лихаго товарища, а потому дозволилъ себѣ, для друга, отступить нѣсколько отъ истины.

- Вотъ оно каково! сказалъ Гонобобель, приподнявъ брови и заложивъ обѣ руки въ карманы: - вотъ оно каково! ха, ха, ха! А я было, признаться, прочилъ Любашу за сосѣда; ха, ха, ха! я говорю: вотъ оно каково!

- Какъ же можно, папенька! поспѣшилъ замѣтить сынокъ: - вѣдь Павлуша... вѣдь онъ, то-есть, добрый человѣкъ, добрякъ, и другъ мнѣ, - да вѣдь онъ тюфякъ; ну, какъ же его сравнить съ моимъ ротмистромъ, то-есть съ Синей? Вѣдь это, не въ укоръ ему говоря, все

равно, что... И остановился, не зная, что дальше сказать и какое бы прибрать сравненіе.

- Ну да, разумѣется, ха, ха, ха! Я вѣдь и говорю, что въ полѣ и жукъ мясо, а на безлюдьи и Ѳома дворянинъ... ха, ха, ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?

Анна Алексѣевна, узнавъ наконецъ въ свою очередь объ этомъ сватовствѣ, покачала головой и вздохнула разъ-другой; она собиралась поговорить объ этомъ толкомъ съ Иваномъ Павловичемъ, но все не могла выбрать времени. Ротмистръ, конечно, льстилъ и ея самолюбію, но все не выходила у нея изъ памяти «позолота» и бутылка рома, взятая Карпушей къ ночи. Павла Алексѣевича ей было жаль, очень-жаль; къ -тому же, и земля его подходила вплоть къ ихъ межѣ, и былъ онъ человѣкъ предобрѣйшій, и устроилъ все хозяйство послѣ отца какъ-нельзя-лучше. Анна Алексѣевна стала-было что-то говорить сыну, но хватъ убѣжалъ, не дослушавъ ея; она встревожилась и хотѣла поговорить съ мужемъ, но и тому было не до нея. «Ну,

Богъ съ нимъ!» подумала она: «конечно, отецъ воленъ въ дочери, и наконецъ, Богъ-вѣсть, можетъ-быть, Павелъ Алексѣевичъ и не думаетъ сватать Любашу!» И, подумавъ такъ, она по-видимому успокоилась, пошла и сѣла въ свою комнатку, а между-тѣмъ колѣни у ней дрожали Богъ-вѣсть отъ чего.

- Веди жь его сюда, своего ротмистра, веди сюда съ повинною! кричалъ Гонобобель сыну, удерживая его самъ за пуговицу, между-тѣмъ, какъ тотъ отъ нетерпѣнія порывался скорѣе вонъ и придерживалъ пуговицу рукой, чтобъ папенька не оторвалъ ея: - веди, да пусть онъ намъ самъ поразскажетъ, чего ему угодно.

Ротмистръ вошелъ скромно, съ поклономъ, въ небольшомъ замѣшательствѣ; онъ уже не первый разъ на вѣку своемъ бывалъ, или, по-крайнѣй-мѣрѣ, слылъ женихомъ; но тутъ было не до штукъ и не до шутокъ: должно было представить истиннаго, настоящаго жениха.

Гонобобель поднялъ съ крикомъ руки, - это былъ особый родъ привѣтствія, и

сталъ спрашивать со странными ужимками: «А что вамъ, сударь, угодно? ха, ха, ха! а зачѣмъ вы, сударь, пожаловали? а въ чемъ, я говорю, состоитъ ваше сердечное желаніе?» И, не дослушавъ хорошо-сложенной рѣчи Шилохвостова, послалъ брата за сестрой, принялъ ее не менѣе странно и спрашивалъ настойчиво: «Хочешь ли ты за ротмистра, за улана, за ремонтера, за эскадроннаго командира, за молодца? хочешь ли, говори, я говорю!» И когда Любаша, истинно не зная, что и гдѣ она, прошептала въ слезахъ: «какъ вамъ угодно», то майоръ сложилъ руки ихъ безъ дальнихъ околичностей, приговаривая въ это время, вмѣсто благословенія, похвалу своей послушной дочери и, разсыпаясь въ шуткахъ, совѣтовалъ жениху держать жену свою такъ же строго, какъ ее держалъ дома отецъ, чтобъ она слушалась его безпрекословно. Старикъ, къ общему удивленію, самъ прослезился при этомъ, но хохоталъ и болталъ вздоръ; даже у Шилохвостова какъ-будто глаза сдѣлались влажны. Любаша была очень-блѣдна, едва

стояла на ногахъ, внезапно зардѣлась отъ неожиданнаго поцалуя жениха своего, опустила руки и глаза, дышала тяжело, и нѣсколько времени была неподвижна, какъ статуя.

Когда все это было кончено, Иванъ Павловичъ вспомнилъ, что у него есть еще въ домѣ жена и хозяйка, а у Любаши мать. Онъ почувствовалъ все неприличіе своего поступка и побѣжалъ за Анной Алексѣевной самъ, привелъ ее и, по-видимому, старался шумомъ, крикомъ и неумѣстнымъ хохотомъ скрыть нѣсколько свое замѣшательство и странность послѣдовавшаго за тѣмъ явленія, въ которомъ матери не оставалось ничего, какъ, собравшись съ духомъ, благословить и обнять дѣтей своихъ.

Въ это самое время, въ комнату, гдѣ все это происходило, въ общую залу, вошелъ Павелъ Алексѣевичъ. Ничего не зная, онъ, однакожь, провелъ крайне-безпокойную ночь, не зналъ, куда дѣваться съ головой своей или сердцемъ, и наконецъ рѣшился, не теряя времени, идти къ сосѣду

для объясненія. Обращеніе Любаши съ ротмистромъ, конечно, наводило на Игриваго какое-то недоумѣніе; но, припоминая послѣднія слова ея: «не уѣзжайте» и голосъ, выраженіе, съ которымъ она ихъ сказала, взоръ ея или глаза, которыми она при этомъ на него взглянула, онъ ободрялся, чувствовалъ въ себѣ нѣкоторую самоувѣренность и во всякомъ случаѣ захотѣлъ знать, чего ему ожидать и чего бояться.

- А-а! закричалъ Гонобобель встрѣчу сосѣду, который остановился въ какомъ-то недоумѣніи почти на самомъ порогѣ, видя все семейство въ сборѣ и притомъ въ какомъ-то строгомъ чинѣ непосредственно послѣ благословенія матери: - а! вотъ и онъ, вотъ легокъ на поминѣ! ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю: вотъ на поминѣ легокъ! Съ праздничкомъ, сосѣдъ; дѣвки-то ужь нѣтъ: выдали, братъ, выдали вотъ за проѣзжаго молодца! ха, ха, ха! А я было-прочилъ ее за тебя, ей-Богу, за тебя; а ты, видно, себѣ-на-умѣ! ха, ха, ха! Ну, милости просимъ!

Окинувъ взоромъ всѣхъ членовъ семейства, Игривый, къ ужасу своему, въ то же мгновенiе убѣдился, что глупая шутка Гонобобеля была, однакожь, не шуткой, а плачевной истиной. Негодованiе, которое имъ овладѣло, выручило его изъ самаго тягостнаго положенiя: онъ очень-спокойно и чинно раскланялся на всѣ четыре стороны, поздравляя и желая много счастiя, обнялся даже съ отцомъ, женихомъ и съ братомъ, поклонился Любашѣ и объявилъ въ то же время, что онъ съ своей стороны, не зная и не подозрѣвая этого семейнаго праздника, пришелъ только проститься, отправляясь завтра же въ Москву. Извинившись поспѣшностью своего отъѣзда, онъ, даже не присѣвъ, раскланялся и опять уѣхалъ.

Любаша все еще стояла въ томъ же положенiи, блѣдная, неподвижная, какъ неживая; но въ то самое время, когда коляска Павла Алексѣевича, застучавъ, покатила со двора, невѣста пришла въ себя, стала всхлипывать, и ей сдѣлалось дурно. Мать приняла ее на руки, отецъ кричалъ:

«что съ тобой? ха, ха, ха!», братъ подалъ ей руку, а женихъ стоялъ поодаль въ какомъ-то замѣшательствѣ.

Полтора года спустя послѣ этого происшествія, Игривый опять подъѣзжалъ къ своей Алексѣевкѣ, и на этотъ разъ, не смотря на то, что сердце и думка его, безъ всякаго сомнѣнія, были полны мыслей и чувствъ о жителяхъ Подстойнаго, онъ однакожь былъ очень-доволенъ, что путь изъ Москвы шелъ не на Кострому и не пролегалъ мимо усадьбы майора Гонобобеля. Старика Ивана Павловича, впрочемъ, въ это время уже не было на свѣтѣ: онъ скончался довольно-скоропостижно вскорѣ по отъѣздѣ Игриваго, отпраздновавъ благополучно свадьбу дочери.

Странная смѣсь воспоминаній, чувствъ и мыслей волновала и въ то же время успокоивала Игриваго, то тѣшила его, то досаждала ему. Со дня отъѣзда изъ Алексѣевки, онъ получалъ извѣстія съ родины только черезъ своего старосту, который увѣдомилъ его о свадьбѣ въ

Подстойномъ, а также о смерти майора и другихъ происшествіяхъ, но впрочемъ не пускался ни въ какія подробности, устраняемыя вообще обычнымъ складомъ и слогомъ этого рода писемъ. Игривому все казалось, будто судьба его еще не рѣшена, будто ему предстоитъ еще что-то впереди; а между-тѣмъ, когда онъ, опомнившись, соображалъ спокойно все случившееся, то ясно видѣлъ и понималъ, что ему-то собственно ожидать здѣсь болѣе нечего, и что онъ, какъ ребенокъ, игралъ какими-то темными, несбыточными грёзами.

На другой день по пріѣздѣ, осмотрѣвъ хозяйство и натолковавшись объ немъ до сыта, Игривый сталъ разспрашивать своего старосту о томъ, что дѣлается въ Подстойномъ.

- Да что, сударь, плохо тамъ! Молодой баринъ пріѣхалъ, сталъ дѣлиться съ сестрой, да выдѣлять мать, и перессорились всѣ; тамъ Семенъ Терентьевичъ взяли съ хозяйки своей довѣренность, чтобъ Любови Ивановнѣ не знать ничего, не вступаться ни во что; а старую барыню уговорили

отступиться отъ своей доли, да жить на хлѣбахъ у сына да у зятя, - ну, и подѣлились. Тутъ, видно, Семенъ Терентьичъ себя не обидѣли; Карпъ Ивановичъ по молодости вѣрили имъ во всемъ, такъ они и отвели себѣ, то-есть, на свою долю, почитай всѣ луга по Мухоловкѣ. Такъ и Карпъ Ивановичъ самъ остался безъ сѣна, да и мужики его безъ луговъ. Вотъ какъ спохватились, да думали-было какъ-нибудь поправить дѣло, анъ Семенъ Терентьичъ луга-тѣ уже всѣ отрѣзалъ по самую околицу, да продалъ сосѣду, Ивану Онуфріевичу. Ну, какъ продалъ да деньги взялъ, такъ ужь ему и не живется дома: сѣлъ да поѣхалъ. Пропадалъ онъ Богъ-вѣсть гдѣ мѣсяца три, что молодая хозяюшка, сказываютъ, глаза по немъ выплакала, и воротился такой, что не на что глядѣть. Поѣхалъ въ коляскѣ, съ деньгами, а воротился оборванный, чуть не въ одноколкѣ - въ какой-то жидовской бриченкѣ. Тутъ они съ Карпомъ Ивановичемъ загуляли: что Божій день, то у нихъ во дворѣ хороводы, да пѣсни, да

пляски, - одни мужики да старухи только и ходятъ на работу; ну, а баба, либо дѣвка, извѣстное дѣло, волосъ дологъ, да умъ коротокъ, - этому дѣлу и рада. Такіе же, какъ ихъ милость, съѣзжаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и Богъ-вѣсть откуда берутся: прежде что-то такихъ, благодаря Бога, здѣсь и не слыхать было; а въ городѣ, сказываютъ, въ гостинницѣ прибили за своей подписью объявленіе, что-де такой-то Семенъ Терентьичъ да Карпъ Ивановичъ всѣхъ проѣзжающихъ созываютъ къ себѣ на усадьбу въ гости попить да погулять. Такъ вотъ и живутъ-себѣ безпросыпно, не памятуючи ни себя, ни другихъ.

- А молодая барыня что жь? спросилъ Игривый.

- Да что жь, сударь! извѣстно, женское дѣло - капля камень долбитъ, а чужая слеза, что съ гуся вода. Родила съ мѣсяцъ тому, сыночка, окрестили по дѣдушкѣ, Иваномъ.

Подумавъ немного, Игривый въ тотъ же вечеръ отправился въ Подстойное. Онъ нашелъ все точно въ томъ видѣ, какъ

староста описалъ. Крикъ и шумъ слышались издалека, попойка шла горой. Не смотря на крайнее негодованіе свое, Игривый вошелъ прямо въ это буйное сборище: человѣка четыре сидѣли за столомъ, уставленнымъ бутылками и стаканами; Карпуша, полураздѣтый, стоялъ и кричалъ, будто на собаку: тибо! авансъ! пиль! - а какой-то оборванецъ, исправлявшій должность дурака, ползъ черезъ всю комнату на корачкахъ къ рюмкѣ вина, накрытой ломтикомъ хлѣба съ сыромъ, и по слову: пиль, выпилъ ее залпомъ и закусилъ. Карпуша, какъ былъ, такъ и остался, - все тотъ же отъявленный сорванецъ: онъ съ безстыдствомъ вралъ и безъ зазрѣнія совѣсти говорилъ въ похвальбу себѣ правду, не подозрѣвая даже, по глупости своей, что онъ самъ себя выставляетъ мерзавцемъ. Казалось, впрочемъ, будто всѣ въ Подстойномъ обрадовались Павлу Алексѣевичу, кто больше, кто меньше, каждый по-своему. Шилохвостовъ обнялъ его въ восторгѣ, какъ стараго товарища, но немножко

совѣстился его и будто первое время былъ въ недоумѣніи, какой тонъ на этотъ разъ принять; вскорѣ онъ расходился однакожь и началъ-было покрикивать: шампанскаго! Игривый остановилъ его очень-спокойно, сказавъ: «оставь, это не кстати» и ротмистръ не смѣлъ противорѣчить. Не смотря на хмѣль, Шилохвостову было какъ-то неловко; онъ нашелся, предложивъ Игривому отвести его къ своей женѣ. Тутъ Семенъ Терентьевичъ снова оправился, повеселѣлъ, и когда Любаша вскрикнула отъ радости и изумленія, то онъ закричалъ: «да ну же, обнимитесь, да поцалуйтесь» и толкнулъ Игриваго прямо на Любашу. Въ первый и почти послѣдній разъ, Павелъ Алексѣевичъ обнялъ и поцаловалъ бывшую свою подругу - и самъ не могъ послѣ отдать себѣ отчета, какъ это случилось, и кто изъ нихъ первый подалъ къ тому поводъ. Шилохвостовъ убѣдительно просилъ сосѣда остаться и занять Любашу, а самъ по какому-то чувству сотраданія, или, можетъ-быть, чтобъ обезпечить себѣ болѣе свободы на будущее время, оставилъ ихъ однихъ.

«Сдѣлай милость, братецъ, докажи дружбу свою, навѣщай насъ почаще: я то-и-дѣло отлучаюсь, по хозяйству и по другимъ дѣламъ, и бѣдная жена скучаетъ - такъ развесели хоть ты ее немного.»

Любаша въ эти полтора или два года возмужала. Теперь можно было сказать объ ней, что она совсѣмъ сложилась, и тѣломъ и духомъ. Она сѣла противъ друга своего, смотрѣла на него непросыхающими голубыми глазами, жадно слушала его, разспрашивала и не утомилась бы этой бесѣдой, еслибъ она продлилась сутки сряду. О себѣ она молчала, или говорила въ общихъ словахъ; ни однимъ словомъ не обвиняла она мужа, легко и съ рѣдкимъ природнымъ чувствомъ скользила по тѣмъ щекотливымъ предметамъ, которыхъ безпрерывно и невольно надобно было касаться, бесѣдуя о своемъ положенiи и домашнемъ бытѣ. Наконецъ, она показала Игривому своего младенца и повела къ старушкѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, которая жила гдѣ-то въ глухой каморкѣ. Старушка расплылась въ слезахъ, увидѣвъ Игриваго,

обнимала и цаловала его безпрерывно, не переставая говорить о томъ, что вотъ кто былъ бы сыномъ ея, вотъ кому прочила она любезную дочь свою, вотъ съ кѣмъ она была бы счастлива, и вотъ кто бы призрѣлъ ее-самое подъ старость. На прощанье она просила Павла Алексѣевича со слезами не забывать ихъ; Любаша взяла руку его въ обѣ руки свои и просила о томъ же; Игривый поцаловалъ у нея руку и скорыми шагами удалился. Онъ уже не былъ въ состоянiи долѣе переносить все то, что передъ собою видѣлъ и вокругъ себя слышалъ. Только вышедъ нѣсколько на просторъ, онъ могъ вздохнуть свободно.

Оправившись немного, онъ хотѣлъ прямо ѣхать домой, и потому вышелъ въ сѣни, оставивъ пирующихъ въ сторонѣ, и велѣлъ человѣку подать коляску. «Да никакъ, сударь, кучеръ вашъ нездоровъ», отвѣчалъ человѣкъ переминаясь. Игривый понялъ отвѣтъ и вышелъ самъ на дворъ - но не могъ отъискать ни кучера своего, ни коляски. Уже давно смерклось и было темно; онъ рѣшился однакожь отправиться

домой пѣшкомъ. «Кто идетъ?» раздалось въ воротахъ: тутъ поставленъ былъ караулъ и ни подъ какимъ предлогомъ не пропускалъ гостя. Игривый не хотѣлъ употребить силу, но, истощивъ всѣ просьбы и угрозы, воротился и вошелъ въ комнату, гдѣ шла попойка. Радостный крикъ привѣтствія встрѣтилъ его; но Карпуша, отчаянный буянъ, когда бывалъ пьянъ, нарѣзался между-тѣмъ окончательно и объявилъ ему на отрѣзъ, что до разсвѣта нѣтъ выхода отсюда, и что онъ, Карпъ Ивановичъ, будетъ стрѣлять по всякому, кто бы захотѣлъ прорваться силою, какъ по военному дезертиру. Вмѣсто отвѣта, Игривый повернулся и вышелъ опять на дворъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ выстрѣлъ раздался изъ окна и вслѣдъ за тѣмъ страшный крикъ и вопль. Бѣгомъ бросился Игривый назадъ и встрѣтилъ все пропойное общество въ испугѣ и заботахъ около Карпуши, который былъ весь въ крови. Карпъ Ивановичъ, въ-слѣдствіе угрозы своей, дѣйствительно схватилъ заряженный пистолетъ и

выстрѣлилъ, какъ полагалъ, по упрямому гостю - но въ то же время, въ разсѣянности, онъ заткнулъ дуло пистолета пальцемъ собственной своей лѣвой руки, котораго теперь и не досчитывался.

Семенъ Терентьевичъ ревѣлъ и рыкалъ, метался какъ безумный, и кричалъ въ одинъ духъ сто разъ, что Карпуша застрѣлился. Когда же дѣло наконецъ объяснилось, хотя стоило и не малаго труда вразумить пьянаго и заставить его молчать, то онъ расплылся въ стѣнаніяхъ, слезахъ и вздохахъ.

Семенъ Терентьевичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходилъ въ себя, каялся и давалъ преполезныя, хотя и запоздалыя наставленія. «Ахъ, Боже мой» говорилъ онъ, всплескивая руками: «вотъ тебѣ и на, вотъ тебѣ и догулялись! Ну, скажи, ради Бога, Карпуша, что мы съ тобой надѣлали? Ну, скажи на милость, не подлецы ли мы? Ну, помилуй, не мерзавцы ли мы, опомнись, что мы это дѣлаемъ! Видишь ли: вотъ оно что изъ этого выходитъ; пьемъ безъ просыпу, таскаемся, не помнимъ ни

Бога, ни себя, спились съ кругу, выбились изъ ума - ну, просто скоты мы, воля твоя, Карпуша, скоты!»

Тревога по цѣлому дому пошла страшная, слухъ разнесся, что Карпъ Ивановичъ застрѣлился. Игривый обмылъ и перевязалъ его, выслалъ собутыльниковъ его и велѣлъ ихъ также уложить, потомъ успокоилъ испугавшуюся на-смерть Любашу и насилу выбрался къ полуночи домой, не могши отвязаться отъ изъявленія признательности и раскаянія Шилохвостова, который поносилъ самъ себя тѣмъ выразительнѣе, чѣмъ позже становилось и чѣмъ болѣе сонъ и хмѣль одолѣвали его.

Было о чемъ призадуматься Игривому, когда онъ дома на покоѣ припоминалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ Подстойномъ. Сердце у него надрывалось, когда онъ обдумывалъ неразлучную съ этимъ на всю жизнь судьбу Любаши - а помощи не могъ онъ придумать никакой. О, еслибъ только Богъ надоумилъ меня и вразумилъ, какъ облегчить крестъ этой страдалицы -

подумалъ онъ - клянусь не щадить ни имущества, ни самой жизни своей и сдѣлать все, на что у меня станетъ средствъ и силъ...

Между-тѣмъ, мужики пришли всѣмъ міромъ къ господамъ Подстойнаго съ жалобой, что ихъ побили на лугахъ, проданныхъ Ивану Онуфріевичу, и не даютъ косить - и спрашивали, что же имъ дѣлать теперь, куда дѣвать скотинку и чѣмъ ее кормить - сѣна-де нѣтъ ни клочка. Мужики ходили часа два по двору, то къ старой барынѣ, то къ молодой, то добивались Карпуши, то Семена Терентьевича, не зная къ кому обратиться и не находя нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта. Наконецъ Шилохвостову надо было выйдти и потолковать съ ними; онъ стоялъ передъ ними такимъ дуракомъ, что ему самому стало совѣстно. Онъ сталъ предлагать крестьянамъ кормить скотъ сѣчкой, древесными листьями, увѣряя, что это даже почти лучше сѣна и, занявъ ихъ нѣсколько хозяйственными разговорами и

благоразумными совѣтами въ этомъ же родѣ, распустилъ по домамъ.

Мало-по-малу, для Игриваго вошло въ привычку и обратилось въ потребность заканчивать день свой въ Подстойномъ. Тамъ сидѣлъ онъ съ Любашей, или прогуливался съ нею по саду, почти никогда не спрашивая, дома ли мужъ или братъ ея, - который, впрочемъ, жилъ подлѣ, но въ особомъ домѣ - и такимъ-образомъ многолѣтняя страсть эта разгаралась обоюдно, безъ всякой помѣхи, но и безъ всякой надежды. Любаша была каждый день до того утѣшена урочнымъ появленіемъ Игриваго, что забывала въ это время всѣ свои бѣдствія и снова оживала; но, конечно, можно было предвидѣть, что такое мнимое спокойствіе, какъ неестественное, не могло быть и прочно: совершенно-разстроенное состояніе и хозяйство, несчастіе быть связанною навсегда съ такимъ мужемъ, нестерпимыя огорченія и оскорбленія, которыя она отъ него должна была переносить, безнадежность глубоко-вкоренившейся

любви, - все это неминуемо должно было постепенно изнурять жизненныя силы несчастной женщины.

Анна Алексѣевна не могла даже и временно успокоиться и утѣшиться: до того житье ея было горько. Забытая, заброшенная, она должна была сносить высшую степень небреженія отъ зятя и роднаго сына, между-тѣмъ, какъ дочь могла только тайкомъ съ нею плакать, но не могла доставить ей даже самаго необходимаго для жизни, потому-что сама во всемъ нуждалась. Анна Алексѣевна дошла до того, что обносилась кругомъ и не могла допроситься ни у сына, ни у зятя десяти рублей на буднишное и самое необходимое платье; Анна Алексѣевна на старости лѣтъ должна была не только отказывать себѣ въ чашкѣ чая, но иногда и даже въ другомъ блюдѣ, сверхъ людскихъ щей или каши. Вотъ запоздалая, хотя, можетъ-быть, и заслуженная кара за гибельное воспитаніе сына, - кара ужасная, хотя поздняя и безполезная, потому-что она у насъ часто даже не служитъ примѣромъ для другихъ, а

почитается просто случайнымъ несчастіемъ…

Наглядѣвшись и наслушавшись всего этого вволю, Павелъ Алексѣевичъ, подумавъ и переговоривъ с Любашей, пріѣхалъ однажды въ каретѣ, посадилъ туда старушку-мать ея со всѣми пожитками и увезъ къ себѣ. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ предварительныхъ объясненій съ сыномъ или зятемъ, которые, впрочемъ, и не заботились объ этомъ происшествіи, какъ о дѣлѣ до нихъ некасающемся.

Однажды Игривый вошелъ, по обычаю своему, въ гостиную Любаши, и при первомъ взглядѣ замѣтилъ, что фортепьяна ея не были на томъ мѣстѣ, гдѣ они столько лѣтъ стояли и гдѣ онъ столько разъ сиживалъ подлѣ нея, разбирая понемногу съ нею вмѣстѣ какой-нибудь романсъ или подбирая аккорды къ знакомому голосу. Большаго умѣнья или дарованія къ музыкѣ не было ни въ комъ изъ нихъ, но за фортепьянами и за пѣсенкой имъ всегда легко было размыкать горе и забыться на полчаса среди горькой дѣйствительности,

отъ которой некуда было уйдти. Я думаю вообще, что музыка, доведенная до высшей степени совершенства, не составляетъ для насъ такой потребности и даже рѣдко бываетъ такъ благотворна, какъ музыка домашняго обихода. Утомительныя обстоятельства, при которыхъ мы слушаемъ публично виртуозовъ, бываютъ для семейныхъ домосѣдовъ большою помѣхой, и подручные фортепьяна да пріятный голосокъ иногда съ избыткомъ вознаграждаютъ отсутствіе Листа и Віардо. Игривый спросилъ Любашу, куда дѣвались фортепьяна ея: она покраснѣла, взглянула на него и лицо ея выражало просьбу - не спрашивать объ этомъ. Онъ сталъ, однакожь, настаивать, вѣроятно, догадываясь въ чемъ дѣло, и услышалъ, что Семенъ Терентьевичъ, собираясь опять куда-то по ярмаркамъ и не могши нигдѣ добыть на это денегъ, продалъ или заложилъ фортепьяно жены все тому же сострадательному сосѣду, Ивану Онуфріевичу.

Игривый зашелъ вечеромъ къ хозяину дома, поздоровался съ нимъ, спросилъ, куда Богъ опять несетъ, и сказалъ очень-спокойно: «На что ты продалъ вещь, которая женѣ твоей доставляла столько удовольствія, и еще продалъ за безцѣнокъ, какъ я слышу? ужь лучше бъ ты у меня выпросилъ взаймы эти сто рублей, коли они тебѣ необходимы. Нельзя ли выкупить фортепьяно?»

Шилохвостовъ чрезвычайно обрадовался, во-первыхъ, тому, что отдѣлался такъ дешево и не былъ вынужденъ выслушать при этомъ случаѣ цѣлаго ряда скучныхъ упрековъ; а во-вторыхъ тому, что открылъ новый и неожиданный источникъ для небольшихъ займовъ, тогда-какъ ему давно уже никто рѣшительно не вѣрилъ на два гроша. Онъ расчувствовался отъ признательности, побранилъ самого-себя, повинился, а потомъ сказалъ:

- Послушай, братецъ, я, признаться, давно уже гляжу на васъ не надивуюсь. У меня сердце болитъ, меня жалость беретъ -

а вѣдь томите и мучите вы сами себя ни за что, ни про что. А? Что жь ты молчишь? поговоримъ хоть разъ откровенно, грудь на распашку. Я вижу и знаю все, что дѣлается, даромъ-что пьянъ бываю - все знаю. Вѣдь вы другъ по другѣ сохнете; вы любили другъ друга прежде: любитесь же съ Богомъ и теперь - кто вамъ мѣшаетъ?

Игривый молчалъ, а Шилохвостовъ очень-спокойно продолжалъ: - Видишь, братъ Павелъ, вѣдь я обижать обижаю Любашу, и горькую чашу она отъ меня пьетъ - ну, что жь дѣлать? видно такова судьба ея, власть Господня; а вѣдь я ее люблю, ей-Богу уважаю, и желалъ бы ей лучшей участи. Ты же мнѣ другъ - и за тебя я радъ въ огонь, ей-ей радъ. Изъ-за чего же вы сами себя казните? Вѣдь я негодяй, я не стою и мизинца ея! Что жь ты молчишь, Павелъ, и глядишь на меня такъ? ты думаешь, я тебя обманываю? Ей-ей нѣтъ; вотъ какъ передъ Богомъ; я вѣдь вижу и знаю все - сами вы себя казните, ни за что, ни про что.

На рѣчь эту Игривый, помолчавъ, отвѣчалъ: - Я очень-радъ, любезный, что тебѣ все извѣстно; ты поступаешь справедливо, что не ревнуешь жены своей; она передъ тобой невиновата ни въ чемъ.

- И это глупо.

- У всякаго объ этомъ свои понятія.

- Что жь ты мнѣ этимъ глаза колешь? Я самъ лучше всякаго знаю, что я подлецъ; что жь мнѣ дѣлать?

- Ну, ужь съ совѣстью своею мирись какъ знаешь; въ этомъ я тебѣ не указчикъ. Я тебя, впрочемъ, никогда и ничѣмъ не попрекалъ, и теперь не упрекаю.

- Ну, а больше что?

- Ничего.

- Глупо это, братецъ, ей-Богу глупо! Вотъ видишь: я послѣдній, пропащій человѣкъ, вотъ этого не стою - и самъ щелкнулъ - а я такому человѣку, какъ ты, говорю въ глаза, что это глупо. Къ-чему такое фанфаронство? Кто тебѣ за него спасибо скажетъ?

- Тотъ, отвѣчалъ Игривый, понизивъ голосъ: - кто тебѣ велитъ честить самого-

себя негодяемъ. Я щажу тебя, Семенъ Терентьичъ, ради жены твоей; иначе я бы сказалъ тебѣ больше. Впрочемъ, не забудь, пожалуйста, что ты говоришь теперь объ ней, о своей женѣ, и что увѣрялъ меня сейчасъ же въ уваженіи къ ней.

- Ну, такъ что жь ей въ немъ, въ этомъ уваженіи?

- Оно дорого, даже и отъ такого человѣка, каковъ ты.

- Чудаки вы, да и полно! сказалъ Шилохвостовъ, пожавъ плечами: - модники! - А самъ всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ. - Ну, дѣлайте, что хотите, васъ не разберешь. Не покидай, однако, Любаши. Я ѣду, братецъ, завтра; мнѣ нужно, есть дѣлишки - а тебѣ грѣшно будетъ - ты ея не забывай.

- Прощай, мой другъ, сказалъ онъ вечеромъ женѣ: - я ѣду съ Карпушей. Послушай, будь поласковѣе къ Павлу Алексѣевичу; видишь ли, онъ старушку мать твою взялъ къ себѣ и призрѣлъ - за что? Вѣдь онъ намъ чужой и только-что добрый человѣкъ; онъ вотъ и фортепьяна

твои хочетъ выкупить, а я и мужъ твой да скотина, не стою волоса его и не стою тебя. Мнѣ жаль васъ обоихъ, такъ Богъ съ вами - я вамъ не помѣха...

Любаша побагровѣла до самыхъ ушей и молча смотрѣла вслѣдъ мужу большими, лучистыми глазами. Онъ обернулся въ это время, остановился и спросилъ кротко: «Что ты такъ дико на меня смотришь?» - Уйди, ради Бога уйди, проговорила она съ трудомъ, отворотившись и закрывъ лицо руками. Шилохвостовъ посмотрѣлъ на нее призадумавшись, вышелъ молча и ворчалъ про себя: «и здѣсь нѣтъ приступа - вотъ не знала баба горя, купила баба порося!.. того-и-гляди, какой-нибудь несчастный романъ разъиграютъ - и все на нашу шею, на мою то-есть съ Карпушей; мы и отдувайся послѣ.»

Игривый по-прежнему навѣщалъ почти ежедневно Любашу, а иногда и Любаша пріѣзжала на часокъ къ своей матери, въ Алексѣевку, а по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ. Любашѣ какъ-то совѣстно было взглянуть первое время на Павла

Алексѣевича; она все припоминала слова своего мужа; но Игривый непринужденнымъ, искреннимъ обращеніемъ своимъ скоро заставилъ ее забыть это; она увѣрилась, что мужъ ея не проговорился Игривому, и успокоилась. Послѣ отъѣзда Карпуши и Шилохвостова, дорога вслѣдъ за ними заглохла, и слуха объ нихъ не было никакого. Между-тѣмъ, Анна Алексѣевна захворала; съ недѣлю уже ѣздилъ къ ней уѣздный лекарь и утѣшалъ ее подробностями о найденныхъ въ уѣздѣ и подкинутыхъ трупахъ, о томъ, что оказалось при вскрытіи и о предстоявшихъ ему еще въ этомъ родѣ подвигахъ. За микстурами безпрестанно посылали верховаго въ городъ; дочь и самъ Павелъ Алексѣевичъ не отходили отъ больной и черезъ нѣсколько дней закрыли ей глаза. Лекарь, пріѣхавъ на другой день, разсказалъ по этому случаю нѣсколько очень-забавныхъ анекдотовъ, заключилъ краткимъ изложеніемъ статистики скоропостижной смертности въ уѣздѣ и уѣхалъ.

Тихо и чинно похоронили старушку въ семейномъ склепѣ Подстойнаго, отпѣвъ ее въ Алексѣевкѣ. Любаша съ Павломъ Алексѣевичемъ шли вдвоемъ за гробомъ, который всѣ крестьяне и крестьянки Подстойнаго проводили отъ самой церкви въ Алексѣевкѣ до семейнаго кладбища своихъ господъ.

Возвратившись съ погулки, сынъ и зять съ горя рѣшились продать часть своего имѣнія; а какъ она прилегала къ полямъ Алексѣевки, то Игривый сошелся съ ними и купилъ ее. Прочіе крестьяне Подстойнаго пришли по этому случаю всѣмъ міромъ къ Павлу Алексѣевичу и, кланяясь въ ноги, просили, какъ они выражались, «отобрать» ихъ всѣхъ отъ Гонобобеля и Шилохвостова и «взять за себя». Они привыкли видѣть въ сосѣдѣ своемъ какого-то опекуна и защитника и человѣка съ нѣкоторымъ вліяніемъ даже и на своихъ безпутныхъ господъ. Они въ такихъ рѣзкихъ и выразительныхъ чертахъ представили бѣдствіе свое, крайность своего нищенскаго положенія, что трудно было имъ возражать.

Игривый успѣлъ однакожь успокоить ихъ нѣсколько, обѣщавъ пособить имъ при посѣвѣ и растолковавъ, что продажа зависитъ отъ ихъ господъ, а на покупку нужны, кромѣ доброй воли, еще и деньги.

По случаю этой сдѣлки, въ которой Шилохвостовъ дѣйствовалъ также уполномоченнымъ за Карпушу, онъ ухаживалъ день-другой около сосѣда, какъ-будто у него было что-то на душѣ, и наконецъ, сидя у него, послѣ разсчета, съ трубкою, за стаканчикомъ чая съ позолотой, повѣсилъ носъ въ стаканъ, сталъ помѣшивать чай свой въ раздумьи ложечкой и сказалъ:

- Подстойное наше чай все не минуетъ твоихъ рукъ, Павлуша; да и съ Богомъ, право, я тебѣ этого желаю. Безпутному сыну богатство не въ-прокъ. А кормить станешь насъ бобылей, меня то-есть съ Карпушей, подъ старость нашу, а?

- Накормилъ бы я васъ лучше смолоду, отвѣчалъ Игривый: - да такъ, чтобъ вы не только до новыхъ вѣниковъ помнили, а не забывали и подъ старость.

Шилохвостовъ весело захохоталъ: - этотъ ладъ рѣчи былъ ему по вкусу. Онъ затянулся трубкой, прихлебнулъ чаю, перекинулся назадъ въ кресла и, устремя съ улыбкой глаза на Павлушу, сказалъ: - Что правда, то правда; да ужь и вы мнѣ хороши: я, братъ, себя не жалѣю, и самъ браню себя, и другимъ не заказываю; да ужь за то позволь попенять путемъ и тебѣ: я такихъ чудаковъ, признаться, не видалъ и во снѣ.

- Ну, что же? отвѣчалъ Игривый: - будемъ удивляться другъ другу - больше нечего дѣлать.

- Послушай, модникъ, продолжалъ тотъ: - я тебѣ не шутя сдѣлаю еще одно предложенiе. Чтобъ совѣсть тебя не мучила, коли ты больно совѣстливъ, такъ дѣло можно бы обдѣлать хорошо, такъ-что были бы и волки сыты, и овцы цѣлы...

- Я покуда еще тебя не понимаю, сказалъ Игривый равнодушно: - но, признаться, добра не чаю отъ кудреватой рѣчи твоей; не лучше ли тебѣ на всякiй случай напередъ обдумать то, о чемъ

хочешь говорить, или ужь просто промолчать?

- Да нужно, братецъ, сдѣлай милость, полно дурачиться: - выслушай меня спокойно, да подумай послѣ самъ. Вотъ что - продолжалъ онъ съ небольшимъ, скрытнымъ смущеніемъ, наклонившись впередъ къ собесѣднику и положивъ оба локтя на столъ: - я, братецъ, ей-Богу, влюбленъ въ Ивана Онуфріевича...

- Влюбленъ въ Ивана Онуфріевича! перебилъ Игривый и захохоталъ отъ души: - ну, что же? мнѣ сватать его за тебя, что ли?

- Э, братецъ! да хоть не перебивай, дай договорить: - я не шучу, ей-ей. Я говорю, что я влюбился въ Ивана Онуфріевича Машу.... Что бы тебѣ посвататься? вѣдь за тебя отдадутъ ее обѣими руками...

- А за тебя развѣ не отдадутъ?

- Да полно же, сдѣлай милость; вѣдь я говорю дѣло: - женись, а тамъ - размѣняемся; вотъ и квиты!

- Ахъ, ты голова-головушка моя! сказалъ Игривый, покачавъ самъ головою: -

нѣтъ, братъ, я вижу, что ты все еще льстишь себѣ, когда честишь самого-себя и такъ и этакъ...

- А что?

- Да такъ, больше ничего...

- Ну, Павлуша, послушай же, не дурачься... ну, сдѣлай милость, не дурачься! ну, ругай меня! Что жь? я самъ все это знаю; ну, пьяница; ну, буянъ; ну, картежникъ, мотъ, негодяй; ну, подлецъ, однимъ словомъ... Женись, Павлуша, послушайся хоть разъ въ жизни моего братскаго совѣта! - Ну, что же ты такъ глаза на меня уставилъ? Я этого не люблю. Что ты смотришь такъ, о чемъ думаешь, скажи!

- Да я думаю, что бы такое придумать, какого рода мерзость, передъ которою бы ты запнулся?

- Правда, братецъ, ей-Богу правда; только не воръ я, вотъ что!.. нѣтъ, воръ, ей-ей, воръ! таки просто укралъ разъ у пьянаго сто рублей - каюсь тебѣ, какъ на духу, а правда. Но ужь за то душегубства нѣтъ на моей совѣсти, видитъ Богъ, нѣтъ.

- Но есть надежда и на это, продолжалъ Игривый: - жену свою ты уморишь, этого не миновать.

Шилохвостовъ призадумался-было, а потомъ спросилъ: - А ты спасти ее не хочешь?

- Пулю бъ тебѣ въ лобъ, сказалъ сурово Игривый, привставъ со стула и понизивъ голосъ: - но нѣтъ, и это ея не спасетъ. Ты заѣлъ всю жизнь ея, и одинъ только милосердый Богъ спасетъ ее тамъ.

Онъ оставилъ гостя и вышелъ одинъ въ поле. Шилохвостовъ никогда не видалъ его въ этомъ духѣ; Семенъ Терентьевичъ долго глядѣлъ за нимъ вслѣдъ, потомъ посвисталъ, кивнувъ головой, и сказалъ: - такъ вотъ оно куда пошло, а-га! и уѣхалъ домой.

Бѣдный Игривый могъ только смутно размышлять о тяжкомъ своемъ положенiи. Ему казалось, что у него уже не доставало болѣе силъ переносить все это; ему опять и ныньче, какъ уже сто разъ прежде, приходило въ голову бросить все и уѣхать куда-нибудь подальше, на долго, или даже

навсегда. Ему казалось, что онъ здѣсь сойдетъ съ ума. Что меня держитъ? думалъ онъ: - для чего я здѣсь сижу и изнываю, какъ истинный, не баснословный Танталъ? - А тамъ опять думалъ онъ: на кого же я ее покину? Еслибъ она была одна-одинёхонька - другое дѣло: тогда бы она здѣсь, среди своихъ крестьянъ и сосѣдей, могла жить спокойно и беззаботно; но при такихъ защитникахъ и покровителяхъ, какъ мужъ и братъ ея, - нѣтъ, при нихъ я отлучиться не могу. Богъ укрѣпитъ меня; останусь здѣсь и буду пить горькую чашу эту каплю по каплѣ, до дна. Что мнѣ теперь до себя? думать и заботиться о себѣ - мнѣ было бы стыдно: я долженъ видѣть одну только страдалицу свою и жить для нея. Малодушно было бы измѣнить теперь и себѣ и ей, и покинуть ее преждевременно, на жертву этимъ негодяямъ.

При такихъ размышленіяхъ, Игривый не успѣлъ подумать о томъ, куда онъ направилъ путь свой, какъ онъ вступилъ въ небольшую кленовую просадь, которая вела къ усадьбѣ въ Подстойномъ. Онъ самъ

улыбнулся этой странности, этой случайности - и продолжалъ медленными шагами путь; привѣтливо кивала ему изъ окна русая головка, къ которой прижималось бѣлое личико младенца; вѣжливо и доброхотно встрѣтила его прислуга, суетившаяся на крыльцѣ и въ комнатахъ по поводу укладки чемодановъ и снаряженія обоихъ въ дорогу. Игривый прошелъ прямо къ хозяйкѣ дома - по имени, хотя она на дѣлѣ и была въ домѣ, можно сказать, чужая.

- Добрый вечеръ, Любовь Ивановна!

- Здравствуйте, мой добрый Павелъ Алексѣевичъ! Посмотрите-тка на моего Ваню: - онъ первый васъ увидѣлъ и полѣзъ-было прямо изъ окна къ дядѣ Пау.

- А поди-ка сюда, маленькій разбойникъ, поди къ дядѣ Пау! Ну, что твои рыбки дѣлаютъ? А посмотри, какого я тебѣ сейчасъ жука поймалъ - вишь какой, съ корову, и рогъ на затылкѣ! Давай-ка, гдѣ твоя маленькая тележка, запряжемъ его!

- Я должна воспользоваться сумерками, сказала вполголоса Любаша: - чтобъ вы не видѣли, какъ я краснѣю, и поблагодарить васъ за фортепьяна... ихъ привезли сегодня - я такъ была этимъ обрадована...

- Вотъ такъ, въ оглобли его - продолжалъ Игривый громко, закладывая своего жука и не обращая никакого вниманія на слова Любаши: - постой, постой; мы и дугу поставимъ, и супонь подтянемъ...

- Я даже и за это вамъ благодарна, продолжала она: - что вы теперь не слышите о чемъ я говорю. Мнѣ отъ этого какъ-то легче на сердцѣ.

- А здоровье ваше каково сегодня? что голова и грудь?

- Слава-Богу, хорошо; сегодня легкій день, и мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ лучше. Сказавъ это, она какъ-бы невольно взглянула въ окно на приготовленія къ отъѣзду мужа и брата.

- Ба! да вотъ онъ, нашъ любезный другъ и сосѣдъ! сказалъ вошедши въ

комнату Семенъ Терентьевичъ: - вотъ спасибо, такъ спасибо, другъ! А мы совсѣмъ. Прощай, Любаша... Видишь ли, каковъ онъ человѣкъ, продолжалъ Шилохвостовъ, указывая на фортепьяно: - а? не чета тому скоту, который заложилъ-было ихъ Ивану Онуфріевичу, и, разумѣется, никогда бы не выкупилъ. Прощайте жь, друзья мои, - и обнялъ ихъ обоихъ: - не поминайте лихомъ. Прощай, мальчишка - Господь съ тобой, и вышелъ.

Игривый съ Любашей проводили его до крыльца; Карпуша сидѣлъ уже въ коляскѣ и бросилъ оттуда рукой поцалуй сестрѣ и гостю. Коляска покатила. Съ часъ времени, Павелъ Алексѣевичъ побылъ еще въ Подстойномъ, а тамъ, отложивъ и выпустивъ на волю ванинаго жука, побрелъ тихимъ шагомъ домой. И въ этотъ разъ опять-было молодая кровь въ немъ взъиграла, взволнованныя чувства породили бурныя, черныя мысли, доводившія его до отчаянія; но спокойная совѣсть вскорѣ одолѣла эту душевную тревогу, малодушіе было побѣждено, и доблестное мужество

одержало верхъ. Игривый вступилъ подъ кровъ свой съ спокойнымъ духомъ.

Не смотря, однакожь, на увѣреніе Любаши, что ей теперь гораздо-лучше, здоровье ея видимо разстроивалось. И въ-самомъ-дѣлѣ, какое сложеніе могло бы устоять противъ этихъ жестокихъ и безпрерывныхъ ударовъ судьбы, которые выпали на ея долю? Какое женское сердце въ состояніи перенести это двойственное томленіе - быть женою Шилохвостова, а между-тѣмъ видѣть ежедневно Игриваго - и это вѣчное раскаяніе съ упреками совѣсти, за легкомысленный поступокъ, во время первой, неопытной молодости своей, когда и сама еще не понимала, что дѣлала, когда молча согласилась отдать руку человѣку, какъ отдаютъ ее на четверть часа, для мазурки или кадрили... какой конецъ этому будетъ? гдѣ тутъ отрада? гдѣ самая надежда?

Игривому уже часто казалось, что Любаша постепенно худѣетъ, и что здоровье ея мало-по-малу разстроивается; но видя ее почти ежедневно, онъ не могъ

замѣтить никакой внезапной перемѣны; она все еще была въ глазахъ его тою же миловидной Любашей, какъ прежде; а когда онъ заботливо спрашивалъ о ея здоровьѣ, то принужденъ былъ довольствоваться общими отвѣтами ея, которые ничего положительнаго не объясняли. Однажды онъ, посидѣвъ у ней по обычаю своему часокъ, простился съ нею и отправился-было домой, какъ при входѣ въ кленовую просадь, ведущую отъ барской усадьбы на большую дорогу, былъ остановленъ мамушкой Любаши. «Не прогнѣвайся, батюшка, кормилецъ нашъ» говорила старуха: «я къ тебѣ, все къ тебѣ да къ Богу, больше не къ кому, самъ знаешь: ну, что же я стану дѣлать съ барышней своей (она Любашу все еще звала барышней и никакъ не хотѣла отстать отъ этой долголѣтней привычки)? ну, вѣдь сохнетъ, моя голубушка, какъ вотъ цвѣтъ на стеблѣ...»

- Говори, говори, Тимоѳеевна, что такое?

- Охъ, ужь не знаю что и говорить... разговоры наши всѣ тебѣ вѣдомы давно, и знаешь ты все, знаешь кто раскинулъ намъ печаль по плечамъ, кто пустилъ сухоту по животу... изойдетъ она горемъ; не ѣстъ, не спитъ, все такъ сидитъ, либо плачетъ; въ ротъ не беретъ ни росинки; все подпершись локоткомъ сидитъ, ночи на пролетъ, по бѣлой груди рукой поводитъ - тамъ, знать, сердце болитъ, ноетъ. Охъ, ужь изведетъ онъ мою барышню-госпоженку... Тогда-то мы что съ тобой дѣлать станемъ, ась?

Разспросивъ еще нѣсколько старушку и успокоивъ ее сколько умѣлъ, Игривый, конечно, не могъ добиться отъ нея большаго толка; но материнскія опасенія ея напугали его, заставили обратить болѣе вниманія на положеніе Любаши, и онъ также сталъ за нее опасаться. - Надобно во-время что-нибудь сдѣлать, подумалъ онъ: - шутить этимъ нечего; можетъ-быть, есть еще противоядіе этой медленной отравѣ... Онъ раздумывалъ, что ему дѣлать: тутъ нуженъ былъ совѣтъ умнаго и опытнаго врача; уѣздному лекарю, который

такъ хорошо разсказывалъ присказки о подкинутыхъ мертвыхъ тѣлахъ, Игривый ввѣриться не хотѣлъ; онъ отправилъ чѣмъ-свѣтъ коляску въ другой сосѣдній городъ, за врачомъ, къ которому у него было болѣе довѣрія.

Врачъ пріѣхалъ, выслушалъ напередъ Игриваго, который разсказалъ ему все, что зналъ о состояніи здоровья Любаши; потомъ они вмѣстѣ отправились къ ней. Она нѣсколько изумилась, увидѣвъ вмѣстѣ съ Игривымъ незнакомаго ей пожилаго человѣка; но когда дѣло объяснилось, то она была такъ тронута этимъ новымъ и вовсе-неожиданнымъ доказательствомъ его любви и заботы объ ней, что съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

- Ну, что же я вамъ скажу о нашей милой больной? началъ докторъ, когда онъ остался наединѣ съ Игривымъ: - что мнѣ сказать вамъ? Вы, я думаю, видите, слышите, чувствуете, понимаете и соображаете въ этомъ случаѣ нисколько не хуже меня. Я думаю, если несчастное положеніе этой женщины не измѣнится, то

она, не смотря на то, что повидимому владѣетъ собою, при глубокой чувствительности своей, однакожь, легко можетъ сдѣлаться жертвою этихъ несчастныхъ обстоятельствъ.

- Она и теперь давно уже жертва этихъ обстоятельствъ, сказалъ Игривый, опустивъ мутные глаза на землю.

- Да; но я понимаю слово это иначе; я хочу сказать, что сожительство съ мужемъ ненавистнымъ и безпрерывныя, тяжкія оскорбленія отъ него, а съ другой стороны многолѣтняя и безнадежная склонность, а можетъ-быть и страсть, которая, по обстоятельствамъ, еще безпрерывно разжигается, притомъ и материнскія заботы о будущей судьбѣ дѣтей своихъ, - я говорю, что все это составляетъ психическую причину болѣзни ея, этой грудной боли, біенія сердца, почти безпрерывной маленькой лихорадочки, истощенія, безсонницы, недостатка позыва на ѣду, и что все это можетъ кончиться изнурительною лихорадкой; тогда поздно будетъ думать о помощи. При болѣзни тѣла

страдаетъ и душа; при боли души изнемогаетъ тѣло. Это круговая порука. Между-тѣмъ, первое условіе для выздоровленія - вынуть занозу, устранить самую причину болѣзни: безъ этого нѣтъ пользы ни отъ пластыря, ни отъ микстуры, ни отъ пилюль.

- Посовѣтуйте, докторъ, что же тутъ сдѣлать?

- Ей надобно удалиться отсюда на нѣсколько времени, окружить себя новыми предметами. Можетъ-быть, до того времени тутъ что-нибудь измѣнится. Пошлите ее за границу.

- За границу?

- Да, на воды, куда-нибудь, не для водъ, а для прогулки. Пожалуй, хоть въ Маріенбадъ или въ Теплицъ. Ушлите ее на годъ: можете быть увѣрены, что здоровье ея отъ этого выиграетъ. Это польза прямая, - а косвенная, что мы выиграемъ время, и вы подумаете, что дѣлать дальше. Вотъ мой совѣтъ.

- Но какъ это уладить, я не знаю; мысль эта для меня такъ нова, что я не умѣю взяться за исполненіе...

- Признайтесь мнѣ откровенно, вы не хотите разстаться съ нею?

- Избави Богъ, любезный докторъ, что вы это говорите! Я... я не знаю, какъ вамъ объяснить это, но самъ былъ бы готовъ бѣжать отсюда Богъ вѣсть куда, и я чувствую глубоко, что былъ бы самъ спокойнѣе, еслибъ ея здѣсь не было. Что же касается до нея, то, конечно, нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ ей на пользу.

- Ну, такъ что же? Подумайте. Вѣроятно, какъ-нибудь устроите. Если помощь моя при этомъ нужна - я къ вашимъ услугамъ. Расходы будутъ не такъ велики; изъ нашего уѣзда собираются въ Теплицъ Маслаковы, которые даже были въ родствѣ съ покойнымъ Гонобобелемъ и, какъ я полагаю, не откажутся принять вашу недужную подъ свое покровительство; а Маслаковъ человѣкъ надежный.

Игривый поблагодарилъ доктора за этотъ умный совѣтъ, просилъ его поговорить съ Маслаковыми, самъ убѣдилъ Любашу дать на то согласіе и взялся кончить дѣло с Шилохвостовымъ. Предложеніе это, конечно, сначала крайне озадачило ее, но, будучи передано убѣдительными устами Павла Алексѣевича, не могло встрѣтить большаго противорѣчія. Бѣдная Любаша и сама поняла, что ей необходимо вздохнуть на свободѣ, или задохнуться въ этомъ чаду.

Протаскавшись недѣли три Богъ-вѣсть гдѣ, Семенъ Терентьевичъ наконецъ благополучно возвратился, разумѣется, въ томъ жалкомъ видѣ, какъ обыкновенно возвращался съ этихъ отчаянныхъ погулокъ. Игривый, не теряя времени, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ порывомъ уничиженія Шилохвостова, чтобъ склонить его къ согласію на отпускъ Любаши.

- Послушай, Семенъ Терентьичъ, сказалъ Игривый: - я когда-то пророчилъ тебѣ, что ты жену свою уморишь. Образа

жизни своей, нрава своего ты не измѣнишь, и потому я пришелъ къ тебѣ не для упрековъ и не для поученій, но спрашиваю тебя торжественно, хочешь ли ты дать этой страдалицѣ еще небольшую отсрочку, хочешь ли подарить ей нѣсколько спокойныхъ дней, если это будетъ тебѣ стоить одного только твоего слова?

- Охота тебѣ, братецъ, какъ говаривалъ нашъ полковой писарь, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реванша - то-есть, стращать меня такими мудреными загадками!.. Что жь мнѣ тебѣ на это говорить? вѣдь ужь про самого-себя мнѣ тебѣ нечего разсказывать, ужь ты меня знаешь, и знаешь, что я принимаю съ признательностію всякую брань, всякое поношеніе; но ужь наставленій не терплю; виноватъ, не варитъ желудокъ! Говори на-распашку.

- Кажется, Семенъ Терентьичъ, я тебѣ никогда не надоѣдалъ наставленіями, и теперь объ этомъ не думалъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: жена твоя хвораетъ; я привозилъ сюда Межевскаго, онъ находитъ положеніе

ея опаснымъ и настоятельно совѣтуетъ ей ѣхать за границу, именно въ Теплицъ, въ Богемію.

- Въ Богемію! Экъ васъ куда нелегкая несетъ!

- Нѣтъ, не насъ, а одну только бѣдную и больную жену твою; можетъ-быть, съ Маслаковыми.

- Да вѣдь тамъ, слышно, шулера гдѣ-то на водахъ тѣхъ собираются - такъ туда, что ли?

- Можетъ-быть и собираются - объ этомъ я не разузнавалъ; знаю только, что другіе люди, кромѣ шулеровъ, ѣздятъ туда лечиться, и за этимъ-то надо бы ѣхать и Любови Ивановнѣ.

- Что жь я стану дѣлать тутъ? я бы и радъ, хоть бы ужь тамъ каковъ бы я ни былъ, да съ чѣмъ же я ее отпущу? Я вѣдь понимаю, чѣмъ это пахнетъ, а у меня, кромѣ должишекъ, нѣтъ ровно ничего; развѣ вотъ что: купишь ты у насъ съ Карпушей еще клокъ землицы? - пожалуй, по самую усадьбу отрѣжемъ, нечего дѣлать,

- а? ладно, что ли? ну, по рукамъ, да давай деньги!

- Это особь статья; я только спрашиваю тебя, отпускаешь ли ты жену ради болѣзни ея?

- Отпускаю, братецъ, ей-Богу! Что? не вѣришь? Я еще когда задумалъ жениться, такъ сказалъ, и Карпушѣ далъ слово, что исправлюсь, вотъ что! Вѣдь я хоть и негодяй, а душа у меня предобрая!

Разсудивъ, что имѣніе Карпуши и Шилохвостова промотано, пропало невозвратно и расходится по клочкамъ, располагая притомъ сдѣлать изъ него современемъ особенное употребленіе, Игривый прикупилъ еще и другую часть его, условившись напередъ, чтобъ извѣстная сумма выдана была Любашѣ на поѣздку за границу. Между-тѣмъ, все было для поѣздки этой изготовлено; срокъ, по условію съ Маслаковыми, назначенъ, и Павелъ Алексѣевичъ пріѣхалъ проститься съ Любашей и проводить ее за усадьбу; далѣе провожать ее казалось ему

неприличнымъ, потому-что у нея были тутъ и мужъ и родной братъ.

Она приняла его грустно и радостно, сидя среди дорожныхъ ящиковъ и чемодановъ. Онъ сталъ утѣшать ее, старался немного развеселить и далъ ей нѣсколько совѣтовъ и наставленій на дорогу; она долго слушала его спокойно и наконецъ спросила: «Но когда же все это будетъ, другъ мой? Мнѣ кажется, что всѣ приготовленія наши сдѣланы на вѣтеръ».

- Что это значитъ? Я васъ не понимаю.

- Я говорю, что, вѣроятно, никогда не соберусь и не уѣду отсюда.

- Какъ не соберетесь? Вамъ непремѣнно должно выѣхать сегодня, въ положенный часъ, чтобъ не опоздать; развѣ вы не совсѣмъ?

- Я совсѣмъ...

- Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало?

Любаша помолчала, потомъ взглянула на Игриваго и сказала вполголоса: - За... мнѣ ѣхать ни съ чѣмъ: я не получила и, конечно, не получу ни копейки.

- Какъ это можно? Да я вчера уплатилъ все сполна и, будьте спокойны, вотчина будетъ сбережена для вашихъ дѣтей...

- Я вамъ уже столько обязана, что не умѣю болѣе благодарить. Вѣрьте мнѣ, я поняла ваше благородное намѣреніе, хотя вы мнѣ не говорили доселѣ ни слова, конечно, щадя меня... и за это я васъ благодарю... Не менѣе того у меня денегъ на дорогу нѣтъ, и потому я не поѣду.

- Но объясните мнѣ, ради Бога, все это; я ничего не понимаю.

- Объясненіе очень-просто; Семенъ Терентьичъ съ Карпушей уѣхали въ ночь, Богъ-вѣсть куда, и взяли всѣ деньги съ собой, до копейки.

- А! такъ вотъ что!.. Ну, это ужь моя вина, сказалъ Игривый: - оплошность моя непростительна. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ я могъ думать только, что, взявъ деньги въ руки, они сдержатъ свое обѣщаніе! Воля ваша, а это такъ забавно, что право тутъ сердиться ни на кого! Тутъ я одинъ виноватъ, и я же за это въ дуракахъ.

Впрочемъ, это все равно, это мое дѣло, я съ ними сочтусь.

Онъ отправился поспѣшно домой, черезъ часъ воротился, привезъ денегъ, отправилъ и проводилъ Любашу. Она молчала и плакала, поручила другу своему дѣтей, - у нея было ихъ ужь двое, Ваня и Анюта, - и обнимая его, всего въ другой и въ послѣднiй разъ во всю свою жизнь, сказала: «Что бы ни случилось, ворочусь ли я, нѣтъ ли, ради Бога, обѣщайтесь мнѣ быть отцомъ моихъ дѣтей; они сироты»...

- Обѣщаюсь вамъ, Любовь Ивановна, и послѣ этого обѣта вы можете быть спокойны; развѣ меня не станетъ. Вы были моею: Богъ насъ соединилъ, люди разлучили; но на дѣтей вашихъ я смотрю какъ на своихъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ глядѣлъ Игривый вслѣдъ за исчезавшею вдали коляской, и ни одна душа изъ многолюдной дворни, проводившей любезную барыню свою до этого распутья, не нарушила какимъ-либо звукомъ продолжительное, задумчивое молчанiе Павла Алексѣевича.

Народъ уважалъ его и, казалось, понималъ, по какому-то безотчетному сочувствію. Пріѣхавъ домой, бѣднякъ нѣсколько успокоился, ему стало полегче; тяжелый камень, хотя временно, свалился съ плечь его; онъ былъ свободенъ, онъ могъ бы ѣхать вмѣстѣ съ Любашей; онъ сильно чувствовалъ потребность эту, долженъ былъ даже сознаться, что и для нея это было бы наконецъ яснымъ, счастливымъ временемъ послѣ столькихъ ненастныхъ, бѣдственныхъ лѣтъ, - но онъ не хотѣлъ пожертвовать доброй славой ея и старался вести себя съ возможною осторожностью. Прислуга, чрезъ которую обыкновенно расходятся всѣ домашнія вѣсти и сплетни, не только вся была на сторонѣ Игриваго, но также была убѣждена въ чистотѣ дружбы его съ ихъ молодой барыней и изъ уваженія къ нимъ обоимъ стояла за правду: въ цѣломъ уѣздѣ отношенія этой четы были извѣстны въ настоящемъ ихъ видѣ и, не смотря на всѣ толки, пересуды, сожалѣнія и шуточки, вообще все-таки знали, что

Игривому и Любашѣ упрекнуть себя ни въ чемъ.

Возвратившись въ одиночество свое, Павелъ Алексѣевичъ занялся еще прилежнѣе хозяйствомъ, особенно же старался привести въ порядокъ разстроенныхъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ у сосѣда, и успокоить тѣхъ, которые остались еще, заложенные и перезаложенные, за Карпушей. Шилохвостовъ продалъ весь участокъ женинъ; но не менѣе того, по тѣсной и неразрывной дружбѣ съ шуриномъ, съ которымъ у него было все пополамъ, управлялъ нѣкоторымъ образомъ остаткомъ его имѣнія, если только эти безтолковыя распоряженія можно было назвать управленіемъ. Игривый почти каждый день бывалъ въ Подстойномъ, присматривая за дѣтьми Любаши, и почти каждый разъ долженъ былъ успокоивать крестьянъ то убѣжденіями, то кой-какими пособіями. Онъ часто не зналъ, какъ быть и что дѣлать.

Уклонившись, собственно по этому тягостному чувству, отъ добровольно-принятой имъ на себя обязанности и не побывавъ нѣсколько дней въ Подстойномъ, Игривый поѣхалъ однажды опять провѣдать малютокъ. Онъ оставилъ ихъ до этого на рукахъ отца; а теперь, когда отецъ отправился опять вмѣстѣ съ Карпушей провожать какой-то цыганскій таборъ на ярмарку, Павелъ Алексѣевичъ нашелъ дѣтей брошенныхъ почти безъ всякаго надзора. Ваня чуть-было не утонулъ, Анютѣ сердитый гусакъ чуть не выбилъ крыльями глазъ, оба не одѣты, не умыты, - а виноватаго нѣтъ. Бѣдные малютки такъ обрадовались Павлу Алексѣевичу, что повисли на немъ и не хотѣли отцѣпиться. «Останься, дядя Пау», кричалъ одинъ: «я хочу къ тебѣ, дядя Пау», кричала другая. «Дядя Пау» прослезился, обнялъ ихъ, посадилъ къ себѣ въ коляску и увезъ въ Алексѣевку.

Это сдѣлать было легко; но что дальше? Дѣти въ этомъ возрастѣ и безъ матери... у Павла Алексѣевича сжималось

сердце, онъ понималъ что это значитъ. Наемная рука хорошо сѣчетъ ребенка, но дурно ласкаетъ. Любовь матери - вотъ что ему нужно, какъ младенцу грудь ея, и если послѣдняя еще иногда можетъ быть замѣнена, то первая едва-ли.

- Я долженъ отъискать для нихъ мать, я долженъ найдти такое существо, которое бы ихъ любило. Пусть она не знаетъ по-французски, пусть даже будетъ и вовсе необразована, я самъ буду наставникомъ ея и ихъ, и этотъ недостатокъ во всякомъ случаѣ современемъ легко исправить; мнѣ нужна теперь для нихъ мать, въ томъ смыслѣ, какъ въ ней нуждается и щенокъ и цыпленокъ.

Удачный выборъ Игриваго палъ при этомъ случаѣ на женщину, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

Ко времени выпуска Любаши изъ образцоваго пансіона, была приготовлена для нея, по общезаведенному у насъ порядку, горничная, молодая и довольно-пригожая дѣвушка, взятая нарочно для этого покойницей Анной Алексѣевной во

дворъ. Маша, - такъ ее звали, - была сирота; кроткая, добродушная и смышленая, она вскорѣ переняла все хорошее, что видѣла и слышала, и по врожденной склонности къ порядку и опрятности, даже и по наружности своей выгодно отличалась отъ прочей дворни. Маша сильно привязалась къ барышнѣ своей, которая также полюбила ее и отъ скуки занималась ею какъ воспитанницей, припоминая пансіонскіе уроки. Любаша не скоро могла освоиться съ бытомъ деревенской барышни и не вдругъ оставила всѣ пансіонскіе обычаи, привычки и мечты; безъ уроковъ, безъ учителя и ученицъ, ей какъ-будто чего-то не доставало; и если она смотрѣла на всѣхъ старшихъ себя, заслужившихъ ея уваженіе, какъ на учителей и воспитателей своихъ, то младшіе и подчиненные, особенно дѣвушки, ей казались ученицами младшаго класса, о которыхъ она должна заботиться. Маша подросла, сложилась, похорошѣла, распѣвала на весь дворъ яснымъ голосомъ своимъ перенятые у барышни романсы, или

бѣжала съ рукомойникомъ подъ гору, чтобъ принести своей повелительницѣ ключевой, холодной воды умыться, и громко читала наизустъ «Цыганъ», «Полтаву» или «Онѣгина», дѣлая, безъ всякаго дурнаго умысла, небольшія поправки, въ родѣ слѣдующей:

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
По имени Владиміръ Ленской:
Съ душою прямо-гренадерской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и пр.

Вдругъ Иванъ Павловичъ Гонобобель, приводя однажды хозяйственныя надворныя дѣла свои въ порядокъ, распорядился выдать Машу замужъ за молодаго кучера. Возраженій на это не было… Женихъ съ невѣстой явились благодарить барина и поклонились ему въ ноги; Любаша снаряжала любимицу свою, готовила ей, сколько и изъ чего могла, приданое, была у нея на дѣвичникѣ и

убирала ее подъ вѣнецъ. Разувая своего князя, Маша съ покорностью вынула изъ одного сапога два пятака, а изъ другаго плетку и подала ее молодому, припавъ сама на колѣни и поникнувъ послушно головою, хотя обычай этотъ былъ придуманъ конечно не для нея и ей подобныхъ, кроткихъ и безотвѣтныхъ невѣстъ. Сначала все шло хорошо; но, перешедъ, по смерти Гонобобеля, во владѣніе Шилохвостова, молодой кучеръ запилъ, потомъ пьяный нагрубилъ барину и прибилъ бѣдную Машу; потомъ разбилъ въ дребезги коляску и утопилъ лошадь, и Семенъ Терентьевичъ сдалъ его въ рекруты, получивъ квитанцію, которая, разумѣется, была продана, а деньги употреблены собственно на тотъ же предметъ, за который кучера отдали въ солдаты.

Какъ бы то ни было, но Маша не успѣла оглянуться и выплакаться за послѣдніе побои безпутнаго мужа своего, какъ осталась вдовой при живомъ мужѣ, съ первымъ груднымъ ребенкомъ. Она была незлопамятна и, позабывъ все, что

переносила отъ мужа, помнила въ это время только одно, что онъ хоть лыками сшитъ, да ей мужъ; отчаянье ея, когда его повезли въ городъ, превосходило всякую мѣру, хотя оно, по тихому, кроткому нраву ея, и не обнаруживалось такими страстными порывами, какъ это большею частію случается въ простонародьи. Любаша плакала съ нею и за нее - но не могла пособить ей ни чѣмъ. Лишь-только Маша стала-было нѣсколько приходить въ себя, покорившись неизбѣжности своей участи, какъ новый ударъ поразилъ ее, едва-ли не съ большею жестокостью, чѣмъ первый. Оставшійся при ней младенецъ одинъ только и былъ утѣхой ея въ этомъ бѣдствіи; она не выпускала его изъ рукъ, и барыня ея, соболѣзнуя къ участи своей любимицы, не тревожила ея, не спрашивала съ нея работы и призывала только иногда, стараясь ее развеселить. Еслибъ этотъ младенецъ былъ просто похищенъ у Маши смертью, то, конечно, и этотъ ударъ, въ такое время, былъ бы жестокъ; но случилось еще гораздо-хуже, - судьба была

къ этой сирой вдовицѣ еще немилосердѣе. По обычаю, довольно-общему у насъ въ народѣ, Маша укладывала ребенка спать вмѣстѣ съ собою, на свою постель; вся сила привязанности ея сосредоточивалась теперь на этомъ младенцѣ, котораго она любила чрезъ мѣру и не могла выпустить изъ своихъ объятій. Съ того дня, какъ она лишилась мужа, ребенокъ спалъ всегда при ней. Въ одно раннее утро, вся дворня была испугана внезапнымъ, дикимъ крикомъ несчастной матери; всѣ сбѣжались и съ ужасомъ увидѣли, что она держала на рукахъ своихъ - мертваго младенца. Она, какъ говорится у насъ въ народѣ, «заспала» его.

Этому новому удару бѣдная Маша не могла уже противостоять. Ее обуяло какое-то дикое отчаяніе, чуждое кроткому ея нраву. Она посягнула-было на самоубійство; потомъ состояніе это постепенно перешло въ тихую, нѣмую задумчивость, изъ которой по цѣлымъ днямъ нельзя было ее пробудить; одна только Любаша могла съ нею

разговаривать, и бесѣда эта всегда оканчивалась обильнымъ и горькимъ плачемъ несчастной матери, что облегчало, по-видимому, хотя временно, ея страданія. При видѣ какихъ-либо дѣтей, лицо ея какъ-будто прояснялось: она подымала глаза, смотрѣла на нихъ робко, но спокойно, ласкала ихъ и даже иногда улыбалась. Мало-по-малу, она по наружности нѣсколько возвратилась къ жизни, но всегда была грустна, почти не говорила, сидѣла задумавшись, прилежно работала, не пропуская ни одной службы въ церкви, гдѣ во все время стояла на колѣняхъ и клала земные поклоны. Такъ-какъ церковь была въ Алексѣевкѣ, то Игривый встрѣчалъ ее тамъ нерѣдко, говорилъ съ нею, стараясь ее успокоить и вразумить и поселить въ ней вѣру и смиреніе, вмѣсто овладѣвшаго ею отчаянья; такимъ образомъ, по разспросамъ объ ней и по разговорамъ съ нею-самой, узналъ онъ ее ближе и оцѣнилъ всѣ природныя достоинства этой женщины.

Когда Игривый сталъ мысленно пріискивать для пріемышей своихъ няньку,

или, вѣрнѣе сказать, вторую мать, то остановился выборомъ своимъ на Машѣ. Ему казалось, что она во всѣхъ отношеніяхъ будетъ отвѣчать этому выбору.

Маша встала рано утромъ смутная; она все еще жила на господскомъ дворѣ, работая, что ее заставляли, и ее за это по прежнему милостиво кормили, когда было что ѣсть другимъ - Маша встала смутная, задумывалась при работѣ и вздыхала.

- О чемъ опять загрустила, Маша? спросила другая молодая женщина: - полно! ужь сколько тебѣ говорятъ, что полно!

- Нѣтъ, Анна, отвѣчала та: - я такъ... я что-то...

- Да, ну, говори... кто тебя обидѣлъ, чѣмъ?

- Никто, Анна; кто жь меня обидитъ... за что меня обижать?.. нѣтъ... да я сонъ видѣла...

- А какой сонъ, Маша, разскажи; можетъ-статься, къ чему-нибудь... можетъ и къ добру? Ну, разскажи!

- А видѣла я, ровно еще живу въ дѣвкахъ, и пошла по воду; тутъ гляжу -

башмаки лежатъ подъ кустикомъ; я будто и взяла ихъ, да и обулась; башмаки господскіе, сафьянные, рябенькіе, красные, а по нимъ зерна черненькія. Тутъ я будто стою по-надъ рѣкой, а на рукахъ у меня цыпленочекъ, да такой хорошенькій, съ хохолочкомъ... я его вотъ будто стала поглаживать рукой, да и обронила въ воду. Вотъ я такъ испугалась, такъ сердце и дрогнуло во мнѣ... кинулась я за нимъ, бродила по водѣ, всю рѣчку исходила, нѣтъ, - такъ и пропалъ. Я вышла на берегъ вся мокрая, да сѣла, да и гляжу, - а тутъ, отколѣ ни возьмись два голубка бѣлыхъ, ровно снѣгъ, прилетѣли да и сѣли на меня - одинъ на одно плечо, другой на другое. А тутъ я ужь будто въ барскихъ покояхъ сижу, и платье на мнѣ не то, а бѣлое, подвѣнечное, что ли - да все закапано чѣмъ-то, ровно чернилами, вотъ будто все мухи сидятъ; а голубочки все склёвываютъ, все склёвываютъ пятнышки, обираютъ ихъ съ меня; а тутъ ужь и не знаю, ровно барышня меня позвала громко...

проснулась, анъ только дѣдушка Макаръ на печи кашляетъ...

- Ну, Марьюшка, сказала Анна: - вѣдь это сонъ такой, что вѣдь не скоро увидишь его въ другой разъ, ей-Богу; ну, о чемъ же ты горюешь? Вѣдь это, стало быть, все къ хорошему, къ добру... это, стало быть, замужъ, что ли тебѣ приходится идти...

- Господь съ тобой, Анна, что ты говоришь это...

- Да вѣдь хорошее что-то, Маша; ну, ей-Богу, воля твоя... Степановна! а Степановна! поди-ка сюда, пожалуйста, поди, продолжала Анна, увидавъ старуху-коровницу, знаменитую снотолковательницу: - матушка, Степановна, послушай, вотъ Маша-то все горюетъ, а сонъ видѣла хорошій, ей-Богу хорошій, только ужь мудреный больно, что и не разберешь... вотъ послушай...

И Степановна, присѣвъ на заваленкѣ рядомъ съ двумя молодыми бабами, сложила руки, слушала придакивая и понукая по-временамъ, а тамъ объявила, что этотъ сонъ къ добру и притомъ очень-

ясенъ, что понять его не мудрено. - Что жь, сказала она: - и вѣстимо, что сонъ хорошій. Вотъ видишь ли: башмачки - это прошлое, это выходило тебѣ за-мужъ идти, ну и вышла; красные башмаки - веселая свадьба, а чубаренькіе - горе; вотъ оно и выпало на твою долюшку: цыпленочекъ - сынокъ твой; ну и прижила его, да и погубила - и обронила въ воду, и не нашла. А въ водѣ ходить, мокрой быть - это все слезы; и не мало жь ихъ и было у тебя, Марьюшка - вотъ и рѣка. Ну, а вотъ дальше - такъ это видно еще будетъ впередъ; а что будетъ - Богу одному вѣдомо, все это одному Богу извѣстно. Голубки-то вишь - кабы мужъ у тебя здѣсь былъ, такъ сказать бы, что дѣтки у тебя будутъ, да и чуть-ли не двойни...

- Господь съ тобой! перебила ее Маша, перекрестившись: - что ты это говоришь, Степановна! да этого и слушать нельзя...

- Такъ погоди жь, моя красавица, дай срокъ, не перебивай; вѣдь я тебя ничѣмъ не порочу: я говорю, кабы мужъ былъ - а какъ его нѣтъ, ну такъ ужь и не знаю; къ другой-

ли что-ли это радости, къ вѣстямъ ли къ какимъ - не знаю, ужь это Богу извѣстно. А что обирали они съ тебя черныя-те крапины, ну такъ это все къ добру: позабудешь старое горе по новымъ радостямъ, вотъ что. Грѣха-то вѣдь на тебѣ и нѣтъ, Марьюшка, а вѣдь все душенька твоя померкала, хоть и нечаянно сгубила младенца, а все душа его на тебѣ... ну, вотъ, и сымутъ съ тебя голубочки грѣхъ этотъ, и Господь тебя проститъ...

Маша горько заплакала, а подруга ея напустилась за это на старуху:

- Ужь ты, Степановна, Господь съ тобой - право, Господь съ тобой - говоришь Богъ-вѣсть что, и еще стала попрекать Машу старымъ, не жалѣючи ея, да вотъ опять и разжалобила, когда она и безъ того изнываетъ! Иди, иди, добро, къ телятамъ да къ коровамъ своимъ, слышь, по тебѣ плачутъ...

А сама стала утѣшать Марьюшку, припоминая ей одну только хорошую сторону этого сна и словъ старухи, и

вслѣдъ затѣмъ принялась клясться и божиться, что все это къ добру.

Въ этотъ же день послѣ обѣда, нарочный отъ Павла Алексѣевича пріѣхалъ за Машей. Она тотчасъ же, довольно-беззаботно, собралась и поѣхала, нисколько не обезпокоенная этимъ неожиданнымъ зовомъ, потому-что Игривый былъ любимъ всѣми, и ни одинъ добрый человѣкъ не чуждался его.

- Зачѣмъ бы это, думала она однакожь, когда телега съ нею покатила со двора: - развѣ кружевница не нужна ли Павлу Алексѣевичу - да на что же ему? Онъ человѣкъ одинокій. Посмотримъ; вотъ близко - церковь видать изъ-за лѣсу - и перекрестясь, она спокойно стала выжидать конца.

- Маша, сказалъ онъ, когда она вошла къ нему, молча поклонилась и подпершись локтемъ стала у дверей: - Маша, отгадай-ка, для чего я тебя позвалъ?

Маша вздохнула, потупила глаза и молвила:

- Стало-быть, вы знаете, Павелъ Алексѣевичъ, когда позвали; а я слуга ваша.

- Ну, однакожь, отгадай?

- За добрымъ дѣломъ, Павелъ Алексѣевичъ; за худымъ не позовете.

- Такъ, правда твоя, Маша, за добрымъ дѣломъ; я позвалъ тебя за богоугоднымъ, христолюбивымъ дѣломъ. Послушай, Маша: Господь взъискалъ тебя страданіями - что жь? на это была воля его святая; Онъ и самъ страдалъ больше нашего. Но я думаю, что теперь время твоего искуса миновалось - полно же плакать, Маша - полно; слушай меня хорошенько: я не къ слезамъ говорю съ тобою, а къ радости. Я думаю, что если только сама теперь не откажешься отъ своего счастья, то ты будешь весела и спокойна... Слушай, Маша: Богъ далъ тебѣ опять дѣтей - и не одного, а двухъ разомъ!

Маша вздрогнула, отняла руки отъ лица - слезы текли по щекамъ ея, и она, пораженная послѣдними словами Игриваго, смотрѣла на него въ какомъ-то недоумѣніи.

- Дѣти, продолжалъ онъ, растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату: - Ваня, Анюта, подите сюда!

Вошла женщина, которая держала на рукахъ Анюту и вела за руку Ваню.

- Вотъ это будутъ покуда дѣти твои, Маша, до возвращенія нашей доброй Любови Ивановны; а тамъ, коли ты матерински призришь ихъ, чай и она ихъ у тебя не отъиметъ...

Теперь только Маша поняла въ чемъ дѣло: она зарыдала и кинулась обнимать и цаловать поперемѣнно то Ваню, то Анюту, то самого Павла Алексѣевича, то даже наконецъ ту женщину, которая привела дѣтей и которая была временно придана имъ вмѣсто отпущенной старой няньки. Маша кинулась къ ней поспѣшно и отъ нея хотѣла опять броситься къ дѣтямъ; но та принялась чинно цаловаться съ нею, переваливая ее со щеки на щеку, и, похристосовавшись такимъ образомъ, съ важностію ей поклонилась. Наконецъ Маша упала Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ поднялъ ее и спросилъ:

- Хочешь ли заступить мать у этихъ полусиротъ?

Маша съ трудомъ промолвила: «Хочу, хочу...», опять бросилась обнимать дѣтей, взяла Анюту и въ этотъ вечеръ уже болѣе не спускала ея съ рукъ.

Памятливая, умная и послушная, она строго слѣдовала наставленіямъ Павла Алексѣевича при воспитаніи довѣренныхъ ей дѣтокъ: она легко поняла и всегда помнила, что первымъ условіемъ при воспитаніи дѣтей есть: - не лгать предъ ними, или при нихъ, и не обманывать ихъ никакъ, ничѣмъ и никогда, ниже въ малѣйшей бездѣлицѣ. Черезъ этотъ камень преткновенія всѣхъ мамушекъ и нянюшекъ, Маша легко перешагнула и, живучи отнынѣ съ ними и для нихъ, расцвѣла и сама опять для жизни, и грѣшную молитву свою о томъ, чтобъ Богъ скорѣе ее прибралъ, замѣнила другою, болѣе-христіанскою: о благоденствіи довѣренныхъ ей малютокъ. Заботливѣе Маши не могла быть для дѣтей и лучшая мать; а Игривый отнынѣ не только заступалъ у нихъ мѣсто роднаго отца, но

сдѣлалъ гораздо-болѣе: онъ спасъ всю ихъ будущность отъ гибельнаго вліянія этого человѣка. Онъ же, Игривый, былъ и первымъ наставникомъ и учителемъ ихъ, когда судьба въ-послѣдствіи возложила на него и эту обязанность.

Семенъ Терентьевичъ, который и самую женитьбу свою припоминалъ иногда потому только, что считалъ себя, съ грѣхомъ пополамъ, помѣщикомъ, какимъ сдѣлался посредствомъ женитьбы - Семенъ Терентьевичъ, возвратившись съ послѣдней поѣздки, и не замѣтилъ, въ первые дни, отсутствія дѣтей своихъ; потомъ спросилъ, какъ-бы мимоходомъ:

- А что же, кажется, ребятишекъ не видать?

И узнавъ, что сосѣдъ увезъ ихъ съ собою, промычалъ что-то въ родѣ: «а!» или «мм!» и пошелъ своимъ путемъ.

Когда все это устроилось, то и Павелъ Алексѣевичъ ожилъ нѣсколько. Его не тяготила болѣе день за день и съ часу на часъ участь Любаши: онъ зналъ, что она теперь весела и спокойна, что даже въ его

волѣ было продлить это спокойствіе; дѣтки ея были пристроены; онъ также не ѣздилъ болѣе въ Подстойное, не видѣлъ безпрестанно передъ собою этого безчинства, и теперь даже не хотѣлъ и слышать о томъ, что тамъ дѣлается. Онъ внезапно сталъ семьяниномъ, жилъ не только для себя, но и для другихъ, милыхъ ему существъ, и день казался ему вдвое короче и яснѣе прежняго.

Прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ Любаша была за границей: она писала Игривому, скучала по немъ и по дѣтямъ, но сама сознавалась, что здоровье ея чрезвычайно поправилось. Игривый выслалъ ей еще денегъ, написавъ ей, что онѣ получены отъ мужа ея и брата, и просилъ оставаться еще за границей. Онъ сдѣлалъ это, разсудивъ, что ей возвращаться на первый случай не за чѣмъ, и что три недѣли, проведенныя ею опять въ Подстойномъ, безъ сомнѣнія нанесли бы ей болѣе вреда, чѣмъ годъ, проведенный въ Тёплицѣ, могъ принести пользы. Любаша писала ему на это:

«Не смѣю даже благодарить васъ - вотъ въ какое положенiе вы меня поставили! Итакъ, благодарите отъ меня мужа и брата... но что тогда, если благодарность эта, не смотря на слѣпое послушанiе мое вамъ, не дойдетъ до нихъ, а останется при томъ, кому она слѣдуетъ?.. Все равно; я вамъ уже столько обязана, что считаться съ вами не могу...»

Между-тѣмъ, на взбалмошнаго Шилохвостова вдругъ напала хандра: онъ сталъ скучать по женѣ и началъ ѣздить къ Игривому, чтобъ видѣть дѣтей. Нѣжность эта шла къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло - не менѣе того онъ былъ мужъ и отецъ, и никто не могъ ему запретить вздыхать и скучать по женѣ и ласкать дѣтей. Сколько ни морщился бѣдный Павелъ Алексѣевичъ - а долженъ былъ показывать видъ радушiя при этихъ посѣщенiяхъ. Мало-по-малу, Шилохвостовъ и самъ привыкъ къ этимъ поѣздкамъ въ Алексѣевку, гдѣ его кормили и даже нѣсколько поили, тогда-какъ онъ

дома нерѣдко сиживалъ посвистывая и думалъ: «какъ бы теперь хорошо было съѣсть что-нибудь порядочное и запить, какъ слѣдуетъ и чѣмъ слѣдуетъ...» Онъ нашелъ, что въ Алексѣевкѣ гостить выгоднѣе, чѣмъ жить дома, и подъ предлогомъ, что скучаетъ одинъ, что не можетъ жить безъ жены и безъ дѣтей, которыя-де составляютъ единственное его утѣшенiе, - проводилъ у сосѣда цѣлыя недѣли. Онъ вскорѣ тамъ до того обжился, что, по-видимому, считалъ алексѣевскую усадьбу настоящимъ мѣстомъ своего жительства. Этого мало: вообразивъ себя хозяиномъ Алексѣевки, Шилохвостовъ началъ и самъ хозяйничать тамъ - «вина! водки! рому! закуски! горькаго!» эта команда раздавалась громогласно подъ скромною кровелькой Игриваго, гдѣ ни самъ хозяинъ, ни люди въ домѣ не привыкли къ жизни этого рода. Вскорѣ и Карпуша, встосковавшись по другѣ своемъ, сталъ его навѣщать; затѣмъ также нашелъ, что его никто домой не гонитъ и тамъ дѣти по немъ не плачутъ, что наконецъ и жить на

чужой счетъ выгоднѣе и удобнѣе - а потому также поселился у сосѣда и поселилъ тутъ же слугу своего и кучера съ тройкой лошадей.

Истощивъ всѣ осторожные намёки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и терпѣніе свое, Игривый наконецъ рѣшился, во что бы ни стало, очистить домъ свой отъ такого нашествія. Къ этому подалъ довольно-приличный поводъ незначительный по себѣ случай: Шилохвостовъ съ Карпушей, кромѣ разныхъ безчинствъ, вздумали, для забавы, напоить пуншикомъ пятилѣтняго Ваню и прибить бѣдную Машу за то, что она вступилась и не хотѣла этого дозволить. Разобравъ и покончивъ дѣло это и давъ буянамъ проспаться, Игривый сказалъ безъ обиняковъ Шилохвостову:

- Послушай, однакожь, любезный! ты, кажется, намѣренъ поселиться у меня совсѣмъ?

- А что? спросилъ тотъ.

- Да такъ; я бы желалъ знать мысли или намѣренія твои по этому дѣлу.

- Эхъ, любезный Павелъ Алексѣевичъ! ты другъ и благодѣтель нашъ - я вѣдь не то, чтобъ... я такъ, погостить думалъ у дѣтей... Ну, куда же мнѣ дѣваться, ну, посуди самъ: дома одному тоска - мочи нѣтъ; ты знаешь, я люблю семейную жизнь, тихую, укромную... Ну, брани меня, я самъ знаю, каковъ я, знаю это лучше тебя... да вѣдь дома-то, братъ, скука, что съ души воротитъ... Безтолковый Карпуша этотъ - Карпуша да Карпуша - о, да и надоѣлъ же онъ мнѣ...

- А между-тѣмъ, ты и сюда привелъ его хвостомъ за собой - и онъ также тутъ поселился...

- А чортъ ли его приводилъ! Да коли хочешь, такъ я, братъ, съ удовольствіемъ вытолкаю его отсюда въ шею!

- Нѣтъ, не трудись; этого я не хочу; но, признаться, хотѣлъ бы быть у себя въ домѣ самъ хозяиномъ и господиномъ. Посуди самъ, Семенъ Терентьичъ: мы съ тобой хоть и пріятели, но жить вмѣстѣ намъ не приходится. Пріѣзжай разъ въ недѣлю, хоть, пожалуй, на весь день - и я тебѣ буду

радъ; повидаешься съ дѣтьми, побалагуришь, да и съ Богомъ домой. А Карпушу, сдѣлай милость, не вози ко мнѣ вовсе: онъ, чай, не соскучился ни по сестрѣ, ни по племянникамъ, ни по мнѣ - такъ ему здѣсь и дѣлать нечего.

- Такъ я дѣтей своихъ только разъ въ недѣлю и увижу?

- Этого довольно, любезный; вспомни, ты покидалъ ихъ прежде и не на одну недѣлю: стало-быть, тебѣ не йдетъ теперь прикидываться такимъ нѣжнымъ отцомъ... Ты въ этотъ день, на-примѣръ, въ воскресенье, пріѣдешь къ обѣднѣ, соберешься съ силами и останешься порядочнымъ человѣкомъ на весь день, не станешь кричать: «водки - рому - горькаго!», не станешь браниться съ людьми моими ни за что, ни про что, оставишь въ покоѣ дѣвокъ - однимъ словомъ, покажешь отеческій примѣръ дѣтямъ, чтобъ имъ не стыдно было смотрѣть отцу въ глаза; а тамъ поѣзжай съ Богомъ и дѣлай дома что хочешь.

- Богъ тебѣ судья, Павелъ! Да вѣдь добро наше теперь все почти у тебя въ рукахъ.

- Что же? развѣ я его взялъ у васъ наѣздомъ? Развѣ ты можешь попрекнуть меня, чтобъ я пріобрѣлъ его какими-нибудь непозволительными средствами?

- Нѣтъ, я этого не говорю; да вѣдь помнишь ли, не я ли спрашивалъ тебя тогда же, что кормить-де подъ старость насъ дураковъ станешь?

- А вспомни, не я ли тогда же отвѣчалъ, что накормилъ бы васъ путемъ съ-молоду, а теперь лихъ-поздно?

- Правда! сказалъ тотъ со вздохомъ. - Ну, братъ, такъ прощай; да только скучно же мнѣ будетъ дома возиться съ мужиками, да съ дуракомъ съ Карпушей... Знаешь ли что? ужь я давно объ этомъ подумывалъ; вѣдь пора бы женѣ моей воротиться: надо же и честь знать; вотъ бы мы и зажили!

Съ этого времени, несчастная мысль о возвращеніи Любаши не оставляла Шилохвостова, не смотря ни на какія убѣжденія Игриваго. Соглашаясь, что онъ

подлецъ и негодяй, что ему опять скоро прискучитъ жить съ женою, Шилохвостовъ, однакожь, козырялъ правомъ своимъ и, какъ супругъ, требовалъ жену свою налицо. Онъ до того увлекся этою несчастною мыслью, что не шутя сталъ собираться самъ за женою, если она не послушается зова его и не пріѣдетъ.

Что тутъ было дѣлать? Обдумавъ все, Игривый уже рѣшился-было, для спасенія бѣдной Любаши, принять къ себѣ въ домъ Шилохвостова, надѣясь отвлечь его этимъ отъ исполненія угрозы, но колебался, предвидя нескончаемую для себя муку отъ этого сожительства и, сверхъ-того еще, будучи увѣренъ, что Шилохвостовъ не въ состояніи долго жить спокойно, а, кромѣ всѣхъ проказъ своихъ, непремѣнно опять вскорѣ пріймется за старое и будетъ настаивать, чтобъ Любаша возвратилась. Въ этихъ заботахъ Игривый провелъ нѣсколько безпокойныхъ дней, а можетъ-быть и недѣль, какъ Шилохвостовъ, не шутя готовившійся уже въ путь, прискакалъ къ нему сломя голову, кинулся на него какъ

сумасшедшій и съ крикомъ: «Дѣтки мои, сиротки мои... Павлуша мой... Боже мой...» бросился ему на шею. Онъ неистово ревѣлъ и завывалъ, такъ-что Игривый съ трудомъ только отвелъ его въ свою комнату и заперъ двери, желая устранить позорное зрѣлище это отъ прислуги. Съ отчаяннымъ движеніемъ, Шилохвостовъ выдернулъ изъ кармана письмо, подалъ его Павлушѣ, а самъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Игривый прочиталъ увѣдомленіе отъ неизвѣстнаго человѣка, какого-то нѣмецкаго доктора, что Любаши уже нѣтъ на свѣтѣ. Она скончалась довольно-внезапно и похоронена въ Тёплицѣ, успѣвъ однакожь написать еще приложенное завѣщаніе, которымъ передаетъ все имѣніе свое мужу и умоляетъ его быть отцомъ своихъ дѣтей, но предоставить воспитаніе ихъ Игривому, если только Павелъ Алексѣевичъ просьбы ея не отринетъ.

Съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотрѣлъ Игривый на этого безпутнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который рвалъ на себѣ волосы съ отчаянья по женѣ,

между-тѣмъ, какъ самъ же отравилъ все бытіе ея. Теперь Любаша была, по словамъ Шилохвостова, и другъ его неоцѣненный, и любовь его, и радость, и ангелъ-хранитель... Теперь, наконецъ, уничиженіе этого человѣка дошло до того, что онъ не находилъ словъ для выраженія брани, которою бы могъ достойнымъ образомъ поносить себя... Къ вечеру, Семенъ Терентьевичъ привелъ себя, съ горя, въ такое отчаянное положеніе, что былъ отправленъ домой въ безпамятствѣ; кучеръ, привезя его домой, долго кричалъ людямъ: «Да возьмите, что ли, барина-то! долго ли ему тутъ лежать? Вѣдь я коляску-ту задвину въ сарай; ночью дождь будетъ...»

Поутру, Шилохвостовъ съ трудомъ только сообразилъ вчерашнія похожденія свои, послалъ записку къ Игривому, умоляя его прислать хоть 50 рублей, и поѣхалъ, для разсѣянія, покутить въ ближайшій городъ.

Не станемъ теперь слѣдить за всегда-ровною и одинаковою жизнью Шилохвостова и Карпуши, которые, какъ

мы видѣли, никогда не стѣснялись какими-либо узами долга и приличія, а теперь и подавно хозяйничали на просторѣ, такъ-что всѣ сосѣди покачивали головой и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ пророчили, что все это чѣмъ-нибудь да кончится. Опасеніе, которое выражалось въ этомъ двусмысленномъ чѣмъ-нибудь, было не безъ основанія, и конецъ вылился изъ дурныхъ дурной.

Шилохвостовъ былъ уже круглый бобыль; онъ давно промоталъ все женино имѣніе и жилъ нахлѣбникомъ на крохахъ у шурина, надъ которымъ пріобрѣлъ такую власть, что командовалъ и управлялъ всѣмъ. Люди ненавидѣли его, какъ «врага рода человѣческаго», во-первыхъ, потому-что считали его, не безъ основанія, соучастникомъ въ окончательномъ разореніи вотчины, а во-вторыхъ, за развратную жизнь, въ которой онъ постоянно былъ наставникомъ Карпуши...

. . . . . .

Карпуша поѣхалъ куда-то на недѣльку одинъ, а Шилохвостовъ остался дома. Соскучась сидѣть и пить, онъ велѣлъ осѣдлать коня и поѣхалъ въ поле. Прошло часа два или три, какъ вдругъ на барскомъ дворѣ сдѣлалась тревога, стали сбѣгаться люди со всѣхъ концовъ села, и вскорѣ сбѣжалось все село, старъ и малъ, мужики, бабы и дѣти.

- Что тамъ такое, Тимоша? спросилъ едва-движущійся старикъ съ печи или съ палатей барской людской, когда въ двери вбѣжалъ молодой парень и сорвалъ поспѣшно съ гвоздя кафтанъ свой и шляпу: - чего тамъ народъ сбѣжался ровно на пожаръ? ась? не слышу!

- Да ничего, дѣдушка Макаръ; поди-ка, погляди: гнѣдой гостинца привезъ.

- Какой гнѣдой? какого гостинца?

- А привезъ барина, Семена Терентьича.

- Ась? привезъ барина? ну, что жь за диво?

- Да, что за диво! поди, погляди, дѣдушка: диво-то такое, что поѣхалъ

баринъ на конѣ, а пріѣхалъ подъ конемъ; вотъ и диво. Крестись, дѣдушка, да молись: Богъ прибралъ его.

Сказавъ это, Тимоша выбѣжалъ опять изъ избы; старикъ перекрестился и прочелъ молитву, а между-тѣмъ полѣзъ, кряхтя, съ печи. Вышедъ на дворъ, онъ замѣтилъ, что здѣсь собралось все село. Пробравшись съ трудомъ въ средину толпы, онъ увидѣлъ осѣдланную верховую лошадь Семена Терентьевича, который лежалъ, неживой и въ обезображенномъ видѣ, на землѣ, а одною ногой висѣлъ въ стремени. Лошадь была въ поту и въ мылѣ, вся дрожала и фыркала; староста держалъ ее подъ уздцы, а самъ тужилъ и горевалъ вслухъ о томъ, что не знаетъ, какъ теперь быть и что дѣлать: онъ разослалъ уже конныхъ за исправникомъ, за Павломъ Алексѣевичемъ и другими, но сомнѣвался, чтобъ земская полиція могла вскорѣ прибыть, а между-тѣмъ не смѣлъ прикоснуться до того къ покойнику, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ удержать бѣшеную лошадь въ этомъ положеніи и не дать ей освободиться отъ

трупа. Бѣдный староста стоялъ блѣдный, разстроенный, тпрукалъ, почесывалъ у себя затылокъ, оглядывался, тужилъ и горевалъ, между-тѣмъ, какъ лошадь храпѣла, дрожала всѣмъ тѣломъ, оглядывалась и рвалась то въ бокъ, то въ сторону. Народъ стоялъ молча, то перешептываясь между собою, то опять поглядывая на страшное зрѣлище, и ждалъ, чѣмъ все это кончится.

Когда, наконецъ, судъ выѣхалъ и произвелъ слѣдствіе, то обнаружилось только ровно то, что мы сейчасъ описали: Шилохвостовъ поѣхалъ живой, но вполпьяна, и лошадь принесла его убитаго въ стремени. Судъ заключилъ, что Шилохвостовъ былъ сбитъ лошадью, повисъ одной ногой и такимъ-образомъ затасканъ до смерти.

. . . . . .

Крестьяне Подстойнаго давно уже были разутые и раздѣтые бобыли: съ нихъ поживиться было ни чѣмъ, какъ вѣдомо было всякому; разсудили, что не стоитъ

заводить дѣла и шумѣть изъ-за пустяковъ, и потому предали его волѣ Божіей.

Услышавъ объ этомъ происшествіи на чужбинѣ, Карпуша какъ-будто немного опомнился. При всей бутылочной храбрости, у него однакожь подкосились-было ноги и языкъ онѣмѣлъ. Онъ вспомнилъ, что говорили ему не разъ сосѣди и что пророчила какая-то темная молва, и разсудилъ, что коли зять его теперь «пристроенъ», то о немъ заботиться ничего, а надобно-де подумать о себѣ. Убѣдившись, что онъ теперь остался на свѣтѣ одинъ, горемычнымъ сиротою, безъ наставника и товарища, съ которымъ такъ свыкся, Карпъ Ивановичъ сдѣлался малодушнымъ и горько заплакалъ. Онъ струсилъ до того, что даже не рѣшался ѣхать въ вотчину свою и долго не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, Богъ его надоумилъ.

Павелъ Алексѣевичъ сидѣлъ послѣ обѣда на своемъ диванчикѣ, Ваня и Анюта лазили по немъ, а Марья Кондратьевна, то-есть Маша, стояла съ веселою улыбкою передъ нимъ и уговаривала дѣтей,

загрязнившихся въ пескѣ, надѣть другія платьица; Ваня шагалъ на плечо дяди Пау и не хотѣлъ разстаться съ алой рубашенкой, а Анюта тянулась вслѣдъ за нимъ и также повторяла: не, няня, ни, ни! Въ это время коляска прокатила мимо оконъ; Игривый узналъ ее тотчасъ, всталъ и встрѣтилъ Карпушу.

- Павелъ Алексѣевичъ! Бѣда! спаси! проговорилъ онъ, и началъ его крѣпко обнимать.

- Какого жь ты чаешь отъ меня спасенья?

- Да я услышалъ вотъ - меня не было дома - я вотъ вчера только узналъ, и не могу еще опомниться... ты былъ тамъ?

- Былъ.

- Что жь, правда?

- Я не знаю, что ты называешь правдой: - покойникъ стоитъ здѣсь въ церкви - завтра похороны.

- Ахъ, Боже мой, Боже мой... но вѣдь говорятъ, будто...

- Это говорятъ; но видно слухъ при розъискѣ не подтвердился: судъ не

изъявилъ подозрѣній и разрѣшилъ уже погребеніе.

- Какъ ты думаешь, что же мнѣ сиротѣ теперь дѣлать?

- Идти дальше тѣмъ же путемъ: примѣръ въ глазахъ.

- Ахъ, Павелъ! и ты можешь теперь такъ шутить...

- Я не шучу, Карпуша, я говорю только горькую истину.

- Да что же мнѣ дѣлать теперь? не опасно ли мнѣ будетъ воротиться домой и жить тамъ?

- Этого я не знаю. Это ты самъ долженъ знать лучше.

- Послушай, Павелъ, я рѣшился: ради Бога, развяжи меня съ Подстойнымъ совсѣмъ - и много ли тамъ его осталось? Возьми все, оцѣни самъ - дай мнѣ уголъ у себя - я туда не поѣду...

- Если хочешь продать мнѣ остатки твоей вотчины - изволь, я покупаю, и могу дать тебѣ цѣну выгоднѣе другихъ, потому-что мнѣ покупка эта сподручнѣе другаго.

Но угла я тебѣ у себя въ домѣ не дамъ; на этомъ не взъищи.

- И тебѣ не грѣшно, Павелъ? за что же ты такъ со мною обходишься?..

- Ты не такъ спрашиваешь: за что, это походитъ на то, будто я хочу тебя наказать за прошлое, или мстить тебѣ; а этого за мной нѣтъ. Но спроси почему, или для чего я тебѣ отказываю въ пристанищѣ, и я тебѣ скажу не обинуясь, что намъ съ тобою жить подъ одной крышей нельзя. Разсуди самъ: мы смотримъ врознь; общаго въ родѣ жизни нашей нѣтъ ничего; мы другъ для друга не годимся.

- Да куда же мнѣ дѣваться? спросилъ жалкимъ голосомъ Карпуша, который, лишившись вожака своего и наставника, былъ безъ него, какъ безъ головы.

- Немножко-поздно задаешь ты себѣ этотъ вопросъ - я думаю денегъ тебѣ станетъ на годъ веселой жизни; тогда опять спросишь кого-нибудь: куда дѣваться; можетъ-быть, посовѣтуютъ лучше меня.

Отчаянный Карпуша сдѣлался смиренъ и кротокъ какъ ягненокъ; онъ

упросилъ Игриваго позволить ему погостить у него только до уплаты денегъ, обѣщаясь выѣхать въ тотъ же день, когда дѣло будетъ кончено, - послалъ домой за платьемъ и кой-какими вещами и черезъ недѣлю отправился, самъ не зная куда. Никто не слышалъ и въ-послѣдствіи о томъ, куда молодой Гонобобель дѣвался; а потому мы прощаемся съ нимъ навсегда: онъ пропалъ безъ вѣсти, для насъ, какъ и для прочихъ.

Выпроводивъ отъ себя благополучно несчастнаго Карпушу, который при всемъ отчаяніи и малодушіи своемъ бушевалъ, сердился, плакалъ, бранился и напивался пьянъ съ горя и никому въ домѣ не давалъ покоя, Игривый зашелъ къ дѣткамъ. Это было вечеромъ; они уже спали; а Маша сидѣла за грамотой и что-то такъ прилежно выписывала, что даже не слышала, какъ баринъ вошелъ, и вдругъ торопливо привстала. Взглянувъ на лежавшій передъ нею листокъ, онъ прочиталъ: помяни Господи во царствіи твоемъ рабовъ твоихъ: Ивана, Семена, Кондратія, Ивана, Анну,

Любовь, Марію. Что ты это пишешь, Маша? что за поминовеніе?

- Хочу подать въ церковь, Павелъ Алексѣевичъ, по родителямъ - чтобъ поминали ихъ.

Игривый еще разъ взглянулъ на листокъ и спросилъ: Да кто же это? Кондратій отецъ твой - а прочіе?

- А тутъ матушка покойница, да покойные господа. Любовь Ивановну голубушку я уже приписала въ Покровъ - а теперь вотъ сѣла-было приписать и Семена Терентьевича... а это сыночекъ мой... Карпа Ивановича да мужа своего я записать не посмѣла: Богъ-вѣсть, вѣдь можетъ статься они еще и живы гдѣ-нибудь...

Привязанность эта и незлопамятность, даже относительно самого Шилохвостова, тронула Игриваго. Подумавъ немного, онъ сказалъ: - Ну, Маша, ужь коли такъ, то вычеркни еще одно имечко изъ тѣхъ, что написала.

Маша глядѣла на него ничего не понимая.

- Да, да, Маша; вычеркни еще одно имя, тутъ у тебя записанъ живой, или живая: Любовь Ивановна жива и здорова: - слышишь, она жива, Маша!

Маша зарыдала и бросилась Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ поднялъ и обнялъ ее и вскорѣ успокоилъ, разсказавъ, что Любаша дѣйствительно жива и никогда не думала умирать; что вѣсти въ то время пришли ложныя, а теперь получилъ онъ отъ нея-самой письмо. Опомнившись, Маша пошла крестить спящихъ малютокъ и сама молилась, не зная куда отъ радостныхъ слезъ дѣваться.

Объяснимъ теперь въ двухъ словахъ недоумѣніе читателей. Любаша точно не думала умирать, но и слуховъ о смерти ея до Павла Алексѣевича не доходило: все было придумано имъ въ крайности, когда сумасшедшій Шилохвостовъ вдругъ сталъ настаивать, чтобы она непремѣнно воротилась и до того взбѣленился, что готовъ былъ ѣхать за нею самъ. Не видя никакого спасенія для Любаши, Игривый написалъ ей объ этомъ поспѣшно,

присовокупивъ, что ей ничего не остается, какъ сказаться мертвою. Онъ совѣтовалъ ей попросить кого-нибудь изъ надежныхъ знакомыхъ ея написать горестную вѣсть эту прямо мужу и въ то же время увѣдомить о томъ его, Игриваго. Все это, какъ мы видѣли, было во-время исполнено, и тайна сохранилась до настоящаго времени.

Теперь Игривый вздохнулъ еще свободнѣе. Онъ терялся въ размышленіяхъ и самъ едва могъ повѣрить всѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ глазахъ его. Все то, что столько лѣтъ томило его, отравляло всю его жизнь, все, что, казалось, тяготѣло вѣчнымъ, пожизненнымъ бѣдствіемъ надъ несчастной Любашей - все это исчезло какимъ-то волшебнымъ ударомъ съ лица земли: - Шилохвостова нѣтъ, и уже нѣтъ навсегда; онъ не съ Цыганами кочуетъ по ярмаркамъ, онъ не возвратится уже оттуда избитымъ и оборваннымъ, промотавъ лошадей, коляску и сюртукъ съ плечь своихъ - онъ выбылъ навсегда, и никто на этомъ свѣтѣ его болѣе

не увидитъ. Любаша свободна; ей только дадцать-три года - а Подстойное обратилось въ собственность Павла Алексѣевича, того самаго робкаго, молодаго человѣка, который такъ недавно еще стоялъ какъ ошалѣвшій передъ покойнымъ Иваномъ Павловичемъ, когда этотъ, въ присутствіи всей семьи своей, хохоталъ до слезъ и кричалъ въ уши ему: «Съ праздничкомъ, сосѣдъ, а дѣвки-то ужь нѣтъ; выдали, братъ, выдали, вотъ за проѣзжаго молодца...» А теперь уже не было на свѣтѣ ни самого Ивана Павловича, который съ такимъ торжествомъ возглашалъ побѣду свою, ни старушки Анны Алексѣевны, которая съ недовольнымъ и озабоченнымъ видомъ слушала громогласные возгласы своего почтеннаго сожителя, ни даже этого знаменитаго проѣзжаго молодца, какъ-будто кинутаго судьбою поперегъ пути всѣмъ добрымъ людямъ, которымъ суждено было гдѣ-нибудь и когда-нибудь съ нимъ столкнуться...

Игривый продолжалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ спокойно свой родъ жизни, увѣдомивъ съ осторожностью Любашу о томъ, что въ отсутствіи ея случилось, и успокоивъ ее на-счетъ дѣтей. Отвѣты ея приходили какъ-то чрезвычайно-медленно, и Павелъ Алексѣевичъ замѣчалъ въ нихъ какой-то странный, небывалый оттѣнокъ... Письма Любаши оставляли въ немъ съ нѣкотораго времени такое впечатлѣніе, будто она не досказываетъ чего-то, будто у нея на душѣ остаются какія-то завѣтныя чувства и думы. Разсуждая объ этомъ самъ съ собою, онъ задумавшись пересчиталъ по пальцамъ, что по смерти Шилохвостова прошло уже полгода - а за тѣмъ поднялъ голову и спросилъ мысленно у самого себя, чего онъ теперь еще сидитъ на мѣстѣ и почему бы ему не ѣхать за границу, пасть подругѣ своей въ Маріенбадѣ какъ снѣгъ на голову - и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ дальше. Надобно быть такимъ чудакомъ, какъ я - подумалъ онъ улыбнувшись, чтобы давно уже не сдѣлать

этого; ѣду. Зима не удержитъ меня, я ѣду не лечиться; весной воротимся...

- Ну, Маша, сказалъ онъ, когда сталъ готовиться въ путь: - я покину тебя съ ребятишками мѣсяца два, либо три; я поѣду за вашей барыней. На тебя оставляю ихъ: помни, что ты имъ мать, взамѣнъ родной.

- Вы меня воскресили, Павелъ Алексѣевичъ, отвѣчала веселая Маша, которая весь день яснымъ голосомъ своимъ распѣвала пѣсеньки съ дѣтьми: - отъ вашихъ приказанiй я ни шагу; а дѣтки, сами знаете, и своихъ-то, можетъ статься, не съумѣла бы такъ полюбить, какъ этихъ...

Приведя хозяйство свое въ порядокъ на время отсутствiя, Игривый сдѣлалъ также нѣсколько неоколичественныхъ распоряженiй, чтобъ убрать у себя въ домѣ комнаты и изготовить немного мёбели. - Вотъ эти синiе стулья, говорилъ онъ своему Ивану: - выкрасить хоть въ бѣлую краску - они пообтерлись, а это будетъ поопрятнѣе; ихъ можно будетъ поставить въ залу; а мой стулъ, съ шитымъ чехломъ (работы

Любаши), прибереги, чтобъ его безъ меня не таскали.

Расцаловавъ дѣтей и строго приказавъ имъ слушаться няни, Игривый въ хорошій зимній день покатилъ со двора.

- Я, благодаря Бога, здоровъ и ѣду не лечиться, повторилъ онъ про-себя, улыбаясь, не подозрѣвая того, что онъ точно не здоровъ и что именно ѣдетъ лечиться...

Въ небольшомъ, но очень-благовидномъ мѣстечкѣ живописной Богеміи, стоялъ укромный домикъ ратсгера, по нашему - гласнаго, хотя бы и гораздо-правильнѣе было называть этого гласнаго безгласнымъ, - и въ домикѣ этомъ, внизу, жилъ самъ хозяинъ, а вверху постояльцы. Черепичная кровля была припудрена снѣгомъ; нагіе сучья деревъ виднѣлись черезъ опрятно-окрашенный заборъ; по улицѣ казалось пусто, потому-что въ городкѣ не доставало нѣсколькихъ тысячь лѣтнихъ посѣтителей. Кто бывалъ тамъ, помнитъ, вѣроятно, въ числѣ обыкновенныхъ прогулокъ, такъ-

называемую мельницу, Амальину-Гору, деревню Аушовицъ, лѣсничій домъ Кенигсвартъ и развалины Фрауэнбергъ. Все это хорошо лѣтомъ, когда притомъ съѣзжаются въ это мѣстечко люди со всѣхъ концовъ свѣта, кто по рецепту доктора, кто отъ скуки, кто для поживы; но въ домикѣ, о которомъ мы упомянули, гости остались и на зиму. Они занимали три комнаты; заглянемъ прямо во вторую. На небольшомъ диванѣ сидитъ чета: молодая, прекрасная женщина, которой наружность теперь не станемъ описывать подробнѣе, и мужчина, нѣсколько-постарѣе ея, но также довольно-благовидный, хотя и бѣлокуръ до такой степени, что съ перваго взгляда можно догадаться о норманскомъ его происхожденіи. Женщина со вниманіемъ читаетъ книгу, наклонившись впередъ и положивъ руку на плечо мужчины, который, окинувъ руку вокругъ гибкаго стана своей подруги, облокотился другою рукою на столъ, и, внимательно слѣдя за чтеніемъ молодой женщины, по-видимому поправляетъ иногда произношеніе ея и

объясняетъ ей нѣкоторыя слова. Вслушавшись нѣсколько въ эти звуки, мы тотчасъ можемъ убѣдиться, что не ошиблись въ родинѣ бѣлокураго учителя: они читаютъ книжку датскую или шведскую. Учитель, глядя нѣсколько времени пристально въ лицо ученицѣ своей, забылся и не поправлялъ ея, хотя она, запнувшись, тщетно пыталась произнести какое-то мудреное слово на два или на три лада; она взглянула на него; голубые глаза ихъ встрѣтились на разстоянiи нѣсколькихъ вершковъ; онъ отрывисто поцаловалъ оба глаза своей подруги, и сказалъ: «точка; смеркается, другъ мой; испортишь эти дорогiе глазки: береги ихъ».

Она сложила книгу, улыбнулась и спросила по-нѣмецки:

- Ну, что, скажи мнѣ правду, выучусь ли я когда-нибудь этому трудному языку?

- Да вѣдь ты же говоришь и теперь уже довольно-свободно; чего же тебѣ еще? Мы познакомились съ тобой въ маѣ, помнишь? а ты стала учиться въ августѣ - всего пять мѣсяцевъ!

- Но мнѣ бы хотѣлось чище произносить; нѣтъ ничего хуже, когда кто коверкаетъ языкъ, не умѣя выговаривать слова, какъ должно.

- Еще полгода, отвѣчалъ онъ: - и никто не повѣритъ, чтобъ ты была иностранка, которая теперь только начала заниматься чужимъ ей языкомъ. Божусь тебѣ, я не постигаю, какъ ты съ перваго раза вѣрно и чисто стала произносить наши двугласныя, которыхъ нѣтъ въ другихъ языкахъ и кажется всего менѣе въ вашемъ.

- Ты мнѣ часто это говоришь, сказала она весело: - но ты не льстишь мнѣ и не шутишь?

- Нѣтъ, другъ мой, никогда ты отъ меня этого не дождешься: развѣ ты не видишь, что я каждый день радуюсь твоимъ успѣхамъ? Знаешь ли что? одни только Русскіе могутъ перенять такъ скоро и вѣрно чужой языкъ, и этому двѣ причины: во-первыхъ, полногласность собственнаго ихъ языка; во-вторыхъ, общій обычай учить дѣтей двумъ, тремъ языкамъ: послѣ такого

навыка не мудрено поддѣлаться подъ всякое произношеніе.

- Ну, спасибо тебѣ, что ободряешь меня, сказала она на языкѣ своего учителя, который отъ радости бросился ее обнимать. - Поцаловавъ его, она съ кротостію отвела его руку и вставъ, подошла къ окну. Стройный ростъ, гибкій станъ и пышная круглота членовъ обозначились во всей ихъ красотѣ; свѣжее лицо дышало миловидностью, а русые, пепелистые волосы обращали на себя вниманіе необыкновеннымъ для этого цвѣта волосъ свойствомъ, - слегка курчавиться; приглаженные по обѣ стороны пробора, они сбѣгали легкой волной.

- Холодненько, сказала она, подошедъ къ желѣзной печкѣ на курьихъ ножкахъ и съ вычурными балкончиками: - у насъ въ Россіи теперь теплѣе!

- У васъ теплѣе? спросилъ изумившись мужчина.

- Да, потому-что у насъ теплыя печи; у меня была, въ моей комнатѣ, печь изъ синихъ изразцовъ, то-есть съ синими

узорами; бывало, мой Ваня разбираетъ цвѣточки на нихъ, а сосѣдъ нашъ, - ты знаешь, нашъ добрый сосѣдъ? - разсказываетъ ему, гдѣ фіалка, гдѣ незабудка... Она замолкла, опустила взоръ и стояла нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи...

Тукъ, тукъ, тукъ... молоточекъ, замѣняющій нашъ звонокъ, ударилъ въ двери и горничная пошла отпирать. Кто-то вошелъ, и чужой голосъ спрашивалъ о чемъ-то дѣвушку. Хозяева стали прислушиваться, - она, женщина, которую мы описали, едва только выглянула въ первую комнату, какъ вскрикнула и рухнулась, будто пораженная молніей, на полъ. Другъ ея вскочилъ въ сосѣдней комнатѣ съ дивана и кинулся къ ней на помощь; то же сдѣлалъ вошедшій съ противной стороны посѣтитель, и оба, встрѣтившись надъ лежащей въ обморокѣ молодой женщиной и едва взглянувъ только другъ на друга мелькомъ, поспѣшно приподняли вмѣстѣ обмершую и осторожно положили ее на диванъ.

Лишь-только она стала немного приходить въ себя, какъ незваный посѣтитель отошелъ въ сторону, чтобъ она его не видала, и, постоявъ немного, чтобъ удостовѣриться въ возвращенiи ея къ жизни, вышелъ тихонько въ двери и спустился по лѣстницѣ. По послѣднимъ ступенькамъ шелъ онъ какъ-то невѣрно, покачиваясь, а внизу остановился, придерживаясь обѣими руками; наконецъ, онъ невольно присѣлъ, гдѣ стоялъ, прислонившись головой къ периламъ. Въ эту минуту выглянула изъ сосѣднихъ дверей пожилая женщина, посмотрѣла на чужаго и, сказавъ: «ахъ, Боже мой, что съ вами? вы больны, вамъ дурно», позвала еще женщину на помощь, подала недужному стаканъ воды, а когда онъ нѣсколько оправился, то просила его зайдти отдохнуть, сожалѣя и извиняясь, что мужа ея, гласнаго, теперь нѣтъ дома.

- Мы васъ видѣли, сказала старушка, когда она усадила Павла Алексѣевича Игриваго на большiя кресла: - мы васъ видѣли, когда вы пошли наверхъ; но

скажите, ради Бога, что съ вами сдѣлалось, и что дѣлается тамъ? Я говорю, мы видѣли васъ, а потомъ услышали наверху, у постояльцевъ нашихъ, стукъ, какого никогда прежде тамъ не бывало; мы послали туда дѣвку узнать, что тамъ сдѣлалось, и слышимъ, вотъ сейчасъ, что мадамъ Шильваксъ сдѣлалось дурно; я и хотѣла-было заглянуть туда, думаю, не нужно ли какой помощи, выхожу, да тутъ и вижу васъ. Такъ это съ вами случилось? и какъ же они васъ такъ отпустили?

Игривый доволенъ былъ многорѣчивостью старухи, потому-что могъ въ это время молчать и сидя спокойно отдыхать; но когда она наконецъ въ свою очередь замолчала и ожидала отвѣта на вопросъ свой, то онъ не зналъ что отвѣчать на все это; онъ едва могъ только опомниться, что и съ кѣмъ и гдѣ онъ - такъ все это неожиданно на него накинулось - а чтобъ у него въ глазахъ позеленѣло, чтобъ зашумѣло въ ушахъ и голова пошла кругомъ - такъ этого съ нимъ еще и отроду

не бывало. Онъ однакожь собрался съ силами и отвѣчалъ:

- Да, я поступилъ немного неосторожно - и ее напугалъ и самъ перепугался. Я привезъ этой дамѣ очень-горестную для нея вѣсть о смерти близкаго ей человѣка - и она такъ была этимъ испугана, что ей сдѣлалось дурно...

- Ахъ, Боже мой, скажите!.. Что жь ей лучше теперь?

- Да, она уже пришла въ себя.

- А вы вѣрно также родственникъ ея? Вы изъ Россіи?

- Да, я изъ Россіи. Скажите, давно эта дама у васъ живетъ?

- Давно; она уѣзжала раза три въ Тёплицъ и еще въ Прагу и другія мѣста, но, возвращаясь, всегда опять у насъ останавливалась. Прекрасная дама, предобрая! Съ-тѣхъ-поръ, какъ мужъ ея пріѣхалъ, они живутъ у насъ - вотъ ужь третій мѣсяцъ.

- Такъ это мужъ ея - я его вѣдь не знаю; кажется, его у насъ, т. е. на родинѣ нашей, не было...

- Да, мужъ; это также пріѣзжій, человѣкъ ученый, профессоръ - они видно познакомились гдѣ-нибудь здѣсь, по близости - или въ Прагѣ, да, кажется въ Прагѣ.

- Но вы знаете навѣрное, что это мужъ ея? Я не успѣлъ спросить ее объ этомъ - да и не было для этого времени.

- Да, это ея мужъ; такъ они по-крайней-мѣрѣ говорятъ и почему жь въ этомъ сомнѣваться? они хорошіе люди, оба. Съѣздивъ въ Прагу, мадамъ Шильваксъ сказала намъ, что получила письмо отъ мужа и что онъ скоро будетъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ и пріѣхалъ. Да, она добрая, хорошая женщина, прекрасная женщина; мы вѣдь знаемъ ее здѣсь давно.

- Однакожь, я отдохнулъ и мнѣ пора идти, сказалъ онъ, услышавъ надъ хозяйскою комнатой опять какое-то движеніе: - прощайте, благодарю васъ - извините - не взъищите за безпокойство...

Удушливъ показался ему воздухъ на улицахъ Маріенбада; зимнее угрюмое солнце заткало свѣтлую обитель свою

сѣрыми тучами; съ сосѣднихъ горъ тянулись грядами облачка, ополчаясь противъ ведра и угрожая ненастьемъ. Игривый шелъ скоро; ему безпрестанно казалось, будто за нимъ кто-то гонится, будто его зовутъ; онъ бѣжалъ, придумывая, куда бы ему укрыться; наконецъ запыхавшись остановился, поднесъ руку ко лбу, перевелъ духъ и замѣтилъ, что голова его очень-тяжела и все еще идетъ кругомъ, а въ ушахъ свистъ и гулъ. Онъ оглянулся - за нимъ все было пусто. Взглянувъ на проскакавшую мимо его почтовую коляску, онъ какъ-будто вспомнилъ что-то и бросился опять бѣглымъ шагомъ впередъ.

Но посмотримъ, что дѣлаетъ Любаша, опомнившись послѣ обморока, потому-что мадамъ Шильваксъ, какъ называла ее хозяйка, переиначивая по-своему прозванiе Шилохвостовой, была не иной-кто, какъ сама Любаша. Открывъ глаза и облегчивъ удрученную грудь свою нѣсколькими глубокими вздохами, она долго смотрѣла какъ спросонья, оглядываясь кругомъ, будто чего-то искала и припоминала и, не

смотря на нѣжныя лобызанія своего друга, не скоро еще окончательно пришла въ себя. Другъ или мужъ ея, кто бы онъ ни былъ, послѣ многихъ усилій и стараній, съ трудомъ могъ привести ее въ чувство, и тогда только наконецъ обильныя слезы облегчили ея томленіе.

- Зачѣмъ же онъ ушелъ? куда онъ дѣвался? говорила она: - это человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ больше добра, чѣмъ мои родители, котораго я уважаю болѣе, чѣмъ кого-либо въ мірѣ! Я хочу, я должна его видѣть... не-уже-ли онъ не воротится? я хочу его видѣть и сказать ему все и выслушать все отъ него, что бы онъ ни сказалъ, сколько бы упрековъ онъ мнѣ ни сдѣлалъ... я не перенесу только одного: его презрѣнія!

Датчанинъ поцаловалъ у ней руку, взялъ шляпу и обѣгалъ весь Маріенбадъ, но нашелъ только свѣжій, едва простывшій слѣдъ того человѣка, котораго искалъ: Игривый уже уѣхалъ и никто не зналъ куда; хозяину сказалъ онъ, что по спѣшнымъ дѣламъ немедленно уѣзжаетъ въ

Россію. Датчанинъ вздохнулъ, отеръ потъ съ лица и безнадежно побрелъ домой. Любаша была сильно поражена и встревожена этимъ извѣстіемъ; она долго разсчитывала что-то по пальцамъ, спрашивая мужа: такъ ли? и наконецъ, сказала: нѣтъ, онъ не могъ еще получить моего письма - онъ не зналъ еще ничего, и - и - о, какъ я передъ нимъ виновата!.. и накрывъ опять лицо руками, горько заплакала.

Спустя нѣсколько дней, которые показались бѣдной Любашѣ годами и въ-продолженіе которыхъ мужъ ея тщетно искалъ Игриваго съ утра до поздней ночи, крестьянинъ принесъ ратсгеру письмо на имя Любаши и самъ тотчасъ удалился. Она узнала надпись, сильно-взволнованная разорвала обертку и принялась читать:

«Любовь Ивановна».

Она невольно вздрогнула и, переведя духъ, продолжала:

«Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, я наконецъ опять завладѣлъ собою и, кажется, могу говорить спокойно. Дайте жь мнѣ высказать вамъ все, что у меня есть на душѣ; позвольте мнѣ разъяснить себѣ самому все это на бумагѣ... я въ этомъ нуждаюсь - чувствую, что письмо будетъ длинно - не пеняйте за это - оно, вѣроятно, послѣднее.

Я виноватъ передъ вами вдвойнѣ: во-первыхъ, я слишкомъ-неожиданно явился передъ вами, не испросивъ на это вашего согласія; во-вторыхъ, вѣроятно, не менѣе растревожилъ васъ и тѣмъ, что такъ внезапно скрылся, покинувъ васъ почти прежде, чѣмъ вы опомнились отъ перваго испуга. Но зачѣмъ же этотъ испугъ? къ-чему или отъ-чего онъ? Съ вами, Любовь Ивановна, я могу только говорить, какъ съ самимъ-собою - или я долженъ молчать... но я буду говорить... я объясняю себѣ то, что съ вами сталось, такимъ-образомъ: всѣ женскія чувства ваши были нѣкогда принесены на жертву и - попраны недостойнымъ образомъ; вамъ не дали

узнать той любви, безъ которой такая женщина, какъ вы, существовать не можетъ. Дружба ваша ко мнѣ и преувеличенная признательность за мое сочувствіе, - позвольте мнѣ высказать все, для меня это необходимо - эта дружба и признательность сдѣлались, можетъ-быть, господствующими въ васъ чувствами и, при угнетенномъ положеніи вашего духа, удовлетворяли васъ - за неимѣніемъ лучшаго; сердце ваше могло иногда хотя нѣсколько согрѣться среди этого холода, отъ котораго костенѣли ваши члены и остывала кровь... Но - птичка въ клѣткѣ и птичка на волѣ, на просторѣ - не одно и то же. Все ожило въ васъ, когда вамъ дозволено было вспорхнуть и оглянуться на свободѣ; силы возвратились, грудь вздохнула глубоко, сердце забилось сильнѣе - и земное потребовало земнаго, а небесное небеснаго. Встрѣча въ такое время съ человѣкомъ, который достоинствами своими затмилъ передъ вами многихъ, а можетъ-быть и всѣхъ, который на чужбинѣ явился передъ вами, какъ

посланный свыше, для спасенія и успокоенія вашего и избавленія васъ отъ грозившихъ вамъ непріятностей, - который, наконецъ, и самъ, можетъ-быть, еще впервые встрѣтилъ подобное вамъ существо, - словомъ, встрѣча съ такимъ человѣкомъ тронула васъ, настроила душу вашу къ тому чувству, которое, можетъ-быть, давно уже васъ истомляло, не находя себѣ пищи... что жь мудренаго, если оно теперь увлекло васъ и если вы теперь наконецъ - да, наконецъ, послѣ столькихъ страданій, послѣ четверти вѣка жизни, послѣ многолѣтней истомы и отчаянія - если вы теперь не могли, да и не хотѣли налагать вязи этому чувству, которое вамъ впервые посулило на дѣлѣ то, что прежде смутно представляли грезы тысяча-одной ночи?

Вы видите, что я уже знаю все, или удачно дополняю своимъ воображеніемъ то, чего не успѣлъ узнать. Словомъ, я знаю довольно; я понимаю васъ и положеніе ваше; узнаю въ васъ все ту же Любовь Ивановну, которая не пугалась пріѣзда

алексѣевскаго сосѣда въ Подстойное, - но была поражена прибытіемъ его въ Маріенбадъ. Путь подальше; нельзя было ожидать его сюда, этого сосѣда - такъ; но вѣрьте: и вы тѣ же, и сосѣдъ все тотъ же.

Успокойтесь же: вы въ правѣ были располагать собою, и никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать вамъ за это упрека. Вы принадлежали только себѣ и болѣе никому. Если сосѣдъ этотъ и строилъ когда-нибудь воздушные замки - то никто, по-крайней-мѣрѣ ни вы - никто, говорю, не давалъ ему ручательства въ осуществленіи его бреда. Вы не станете судить строго этого сосѣда, если онъ и обманывалъ самъ себя временно, - какъ, можетъ-быть, и вы нѣкогда обманывались; онъ пробудился отъ обаятельнаго сна, не ропщетъ на суровую дѣйствительность, а благодаритъ даже за то, что былъ нѣкогда счастливъ во снѣ и говоритъ: если даже избранному суждено жить только воспоминаніями и надеждой, то рядовой можетъ удовольствоваться и одними первыми; онъ еще будетъ въ барышахъ противъ того, кто вѣкъ свой

долженъ тѣшиться одною только надеждой, между-тѣмъ, какъ у него все прошлое представляетъ залежь, поросшую чертополохомъ...

Вы видите: бывшій и нынѣшній сосѣдъ вашъ мудрецъ... О нѣтъ, не шутите такъ! онъ ребенокъ, но онъ по-крайней-мѣрѣ въ состояніи написать вамъ то, что вы теперь читаете, и рука его, кажется, не дрожитъ...

И такъ, одно кончено, - вы въ своемъ правѣ и обязаны отчетомъ въ томъ, что вы дѣлаете, самой-себѣ, болѣе никому. Теперь два слова о другомъ: о насущномъ.

Вашъ мужъ, какъ ученый, привязанный къ родинѣ своей званіемъ и мѣстомъ, которое занимаетъ и которое его содержитъ - уже по одной этой причинѣ въ Кострому не поѣдетъ. Вы знаете также, что все опять тотъ же сосѣдъ, лишилъ васъ всего вашего достоянія, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, чтобъ присоединить его, по сосѣдству, къ своему. Вы, сверхъ-

того, конечно, знаете и то, что собственно ваше имѣньице, еслибъ оно и уцѣлѣло для васъ, по незначительности своей не могло бы содержать васъ съ семействомъ. И такъ, если еще ко всему этому вспомнить, что «жена да послѣдуетъ мужу», то позволено заключить, что Кострома васъ болѣе не увидитъ. Этому такъ и быть должно - по многимъ причинамъ, и потому позвольте мнѣ считать это рѣшеннымъ: въ такомъ случаѣ, вы будете исправно получать небольшіе доходы съ вашей вотчины, гдѣ бы вы ни находились, а дѣти ваши... о дѣтяхъ вашихъ забудьте, какъ обо всемъ прошедшемъ: они мои дѣти - дѣти мои будутъ воспитаны, пристроены и обезпечены, со-временемъ, всѣмъ достояніемъ названнаго отца ихъ.

Вотъ, кажется, все... Рука не повинуется, не пишетъ прощанія на вѣкъ, хотя голова и освоилась уже съ мыслію, что этому быть такъ, а не иначе... Отвѣтъ вашъ я получу въ Алексѣевкѣ: напишите мнѣ нѣсколько строкъ: это меня укрѣпитъ и

успокоитъ; благословите заочно, на добрыя дѣла»...

- Ради Бога, воскликнула Любаша, обливаясь слезами: - ради Бога, другъ мой, отъищи этого человѣка! О, онъ жестокъ, даже своимъ великодушіемъ - я его должна, должна видѣть!..

На свѣтло-голубыхъ глазахъ Датчанина навернулись слезы; онъ крѣпко обнялъ подругу свою и, схвативъ шляпу, снова пустился на поискъ. Долго бѣгалъ и спрашивалъ онъ безъуспѣшно - какъ ему вздумалось воротиться опять домой и разспросить еще разъ хорошенько хозяевъ своихъ, которые приняли отъ крестьянина письмо. Здѣсь онъ узналъ, что крестьянинъ, подавшій письмо это, по всей вѣроятности былъ изъ селенія Аушовицъ. Съ этимъ свѣдѣніемъ, Датчанинъ поспѣшилъ наверхъ, изъявляя Любашѣ готовность свою ѣхать въ селеніе это сейчасъ же, въ надеждѣ отъискать тамъ бѣглеца. Она обняла друга своего за добрую вѣсть, но не хотѣла и слышать, чтобъ ему ѣхать сперва одному, на

развѣдку. - И я съ тобой, и я съ тобой! говорила она, и уже хваталась рукой за салопъ и шляпку. Черезъ полчаса они катились по направленію къ горамъ, среди обмершей, но все еще прекрасной природы.

Недолго искали они въ Аушовицѣ, какъ имъ указали на небольшой крестьянскій домикъ, сказавъ, что тамъ на-дняхъ остановился пріѣзжій изъ Маріенбада и притомъ иностранецъ. Чета наша подъѣхала къ крылечку этого дома; сердце Любаши забилось такъ, что она съ трудомъ переводила духъ, и, входя въ сѣнцы, опиралась на своего друга; онъ растворилъ дверь, чтобъ спросить хозяина, и Павелъ Алексѣевичъ стоялъ передъ ними.

Любаша бросилась съ громкимъ восклицаніемъ ему на шею:

- О, какіе вы! сказала она, опомнившись нѣсколько и успокоившись: - о, вы жестоки!

- Этого я не хотѣлъ, отвѣчалъ онъ, собравшись съ силами: - нѣтъ, не вините меня въ этомъ, Любовь Ивановна...

- Нѣтъ, нѣтъ, не виню, продолжала она: - мнѣ васъ винить?.. нѣтъ! это было только такъ сказано, чтобъ облегчить сердце... Но вы все-таки жестоки! Оставить меня цѣлую недѣлю среди этой пытки... И вы меня прощаете? и вы можете меня простить?

- Отъ всей души и чистаго сердца прощаю, если вы только полагаете, что въ чемъ-нибудь противъ меня виноваты, чего я однакоже не знаю. Я высказалъ вамъ въ письмѣ все.

- Все, и отъ искренняго сердца?

- Все, и отъ искренняго сердца. У меня нѣтъ на душѣ болѣе ничего. Я бы могъ только развѣ, для полноты покаянія, прибавить къ этому, что хотѣлъ-было попенять вамъ, для чего вы не увѣдомили меня о томъ, что сдѣлалось; но я разсудилъ тутъ же, что и это было бы глупо; кто мнѣ далъ на это право?

- Такъ обнимитесь же, сказала она, сведя быстро вмѣстѣ обоихъ друзей своихъ и кинувшись сама третья въ общія ихъ объятія; - миръ и любовь навсегда!

Благодари его, продолжала она, обратившись къ мужу: - благодари за все то, за что нельзя отблагодарить никогда…

Они пробесѣдовали вмѣстѣ нѣсколько часовъ; тутъ было пересказано все, какъ и гдѣ молодые наши встрѣтились, по какому случаю познакомились, какія услуги онъ ей оказывалъ, какъ заботливо ухаживалъ за больною, отъискавъ ее брошенную безъ призрѣнія и помощи, какъ она узнала въ немъ того человѣка, безъ котораго не могла жить, и какъ онъ очутился точно въ томъ же положеніи, и проч. Любаша объяснила также и послѣднее недоумѣніе Игриваго: она дѣйствительно была уже обвѣнчана съ Датчаниномъ, но по какому-то ложному стыду долго не рѣшалась писать объ этомъ Павлу Алексѣевичу и наконецъ писала подробно, нѣсколько дней передъ его пріѣздомъ, почему онъ и разъѣхался съ письмомъ. Когда зашла рѣчь о дѣтяхъ Любаши, то она, со слезами на глазахъ, схватила руку его и хотѣла-было ее поцаловать. Игривый узналъ въ Датчанинѣ,

какъ и полагалъ по слухамъ, человѣка съ большими достоинствами и съ чувствомъ.

Наконецъ, должно было разстаться: не надѣясь болѣе на силы свои, Павелъ Алексѣевичъ не рѣшился на этотъ подвигъ; онъ обѣщалъ еще навѣстить друзей до отъѣзда своего, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять этого, обнялъ еще разъ обоихъ и не смотря на общія восклицанія «до свиданія», онъ ихъ не видалъ болѣе. Онъ выѣхалъ рано на другой день и гналъ безостановочно до самой Алексѣевки.

Пріѣхавъ домой, онъ долго обнималъ дѣтей, которыя повисли у него на шеѣ, а за тѣмъ и Машу, благодаря ее за материнское объ нихъ попеченіе. «Дастъ Богъ, скоро увидишь свою барыню», сказалъ онъ ей: «она хотѣла быть сюда на тотъ годъ съ мужемъ, за Анютой. Ваня остается у насъ».

Маша была въ одно и то же время такъ обрадована предстоящимъ ей свиданіемъ съ Любашей и опечалена скорой утратой своей Анюты, что не могла ни печалиться, ни радоваться, а со свойственною ей кротостью безропотно

предалась судьбѣ своей. Но ей долго еще не пришлось разстаться съ своей воспитанницей: въ году много дней и часовъ - и черезъ годъ многое перемѣнилось. Черезъ годъ Павелъ Алексѣевичъ получилъ заграничное письмо съ черною печатью; въ письмѣ этомъ мужъ Любаши - къ-сожалѣнію, ужь не на шутку - увѣдомлялъ его съ отчаяннымъ сокрушеніемъ, что лишился своей подруги послѣ непродолжительной болѣзни. Человѣкъ твердѣетъ постепенно, мужаясь противъ непрестанныхъ ударовъ рока, и подъ-конецъ нѣтъ уже такого удара, который бы могъ сокрушить его. Игривый не унывая продолжалъ начатое благое дѣло и кончилъ воспитаніе любашиныхъ дѣтей. Ваня хотѣлъ идти въ военную службу; Игривый предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ напередъ чему-нибудь путному научился, а потому и требовалъ, чтобъ онъ кончилъ прежде курсъ въ университетѣ. Ваня исполнилъ это добросовѣстно и пошелъ въ гусары.

Анюта росла и выросла дома, и надобно признаться, что только развѣ такой матушкѣ, какова была Кондратьевна, т. е. Маша, при такомъ названномъ отцѣ, каковъ былъ Павелъ Алексѣевичъ, можно выростить и выхолить, безъ матери и безъ посторонней помощи, такую дѣвушку, какою выдалась Анюта. При достоинствахъ ея и общеизвѣстности богатаго приданаго, которымъ Павелъ Алексѣевичъ ее надѣлялъ, можно бы приноровить къ ней и къ толпѣ жениховъ ея сказку о Сивкѣ-Буркѣ или о Несмѣянѣ-Царевнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Алексѣевкѣ три-четыре года сряду не было отбоя отъ жениховъ: такъ падки были и въ то время уже Костромитяне на пригожихъ, умныхъ и богатыхъ невѣстъ. Наконецъ, анютинъ часъ ударилъ, и дѣло состоялось: судьба въ этомъ отношенiи была къ ней несравненно-милосердѣе, чѣмъ къ бѣдной ея матери: анютинъ мужъ былъ человѣкъ достойный. Въ числѣ приготовленiй къ свадьбѣ, Игривый между-прочимъ выкрасилъ старинные, нѣкогда голубые, а потомъ

бѣлые стулья свои подъ красное дерево. Отпраздновавъ же свадьбу, обнявъ и окропивъ родительскими слезами свою названную дочь, Павелъ Алексѣевичъ опять остался въ берлогѣ своей одинъ, и сталъ по-прежнему трудиться для другихъ, хозяйничать и копить для своихъ названныхъ дѣтей.

Объ эту-то пору, Павелъ Алексѣевичъ жилъ въ Алексѣевкѣ истиннымъ партріархомъ, среди крестьянъ своихъ и сосѣдей, жилъ домосѣдомъ, заботясь только о своемъ хозяйствѣ, да потѣшаясь по длиннымъ вечерамъ доморощеннымъ сказочникомъ и наемнымъ понукалкой; а истиннымъ праздникомъ для него былъ тотъ день, который приносилъ ему письмо, - потому-что письмо это навѣрное было отъ Вани, либо отъ Анюты: другой переписки въ Алексѣевкѣ не производилось. Тогда призывался вѣрный Иванъ, который служилъ Игривому уже тридцать лѣтъ, и призывалась мамушка Кондратьевна, бывшая солдатка Маша - и письма перечитывались по нѣскольку разъ; въ

такой вечеръ и сказочникъ и понукалка увольнялись.

Дошедъ, наконецъ, въ разсказѣ нашемъ до того отдѣла жизни Игриваго, въ которомъ мы изобразили его при самомъ началѣ повѣсти, мы можемъ повторить: не бываетъ ли иногда наружность обманчива, и - какъ знать, что человѣкъ передумалъ, перечувствовалъ на вѣку своемъ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался тѣмъ чудакомъ, какимъ мы его узнали?

Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ данныхъ, Игривый, вѣроятно, сдѣлался бы человѣкомъ болѣе-замѣчательнымъ, или вѣрнѣе, болѣе-замѣченнымъ; вы, можетъ-быть, убѣдились, что у него достало бы на это и чувства и ума; напротивъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя его окружали, онъ одичалъ немного и огрубѣлъ; онъ даже бѣгалъ отъ выборовъ и по чудачеству своему не хотѣлъ идти ни въ засѣдатели, ни въ депутаты, ни въ какъ-бишь ихъ еще... но, безспорно сдѣлавшись чудакомъ онъ остался однакоже въ маломъ кругу своемъ полезнымъ и примѣрнымъ по благородству

человѣкомъ и примѣрнымъ отцомъ чужаго семейства.

В. ЛУГАНСКІЙ.

(*) Все это происходило, какъ видно изъ окончанія повѣсти нашей, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Замѣчаемъ это во избѣжаніе недоразумѣній.